

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН**

НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ
РАБОТА**

АСКАРОВОЙ МУЗЯЯНЫ ЗАФАР КИЗИ

**НА ТЕМУ: «СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВО-
КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМОВ В
РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ»**

Наманган – 2014

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН**

НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

“Рекомендую в ГАК”
декан факультета филологии
_____ С. Мисиров
“ ___ ” _____ 2014 года

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ
РАБОТА**

**НА ТЕМУ: «СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВО-
КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМОВ В
РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ»**

Выполнила: выпускница образовательного
направления «Славянская филология», сту-
дентка 4 курса Аскарлова М.З.

Руководитель: к.ф.н., доцент Зинин Е.О.

Выпускная квалификационная работа прошла предварительную защиту на
кафедре. Протокол заседания кафедры № ___ от « ___ » _____ 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-9
ГЛАВА 1. Антонимия как категория лексико-семантической системы языка.....	10-24
1.1. Антонимия как проявление системности лексики.....	10-13
1.2. Логическая основа антонимии.....	13-15
1.3. Структурная, семантическая и функционально-деривационная классификация антонимов.....	15-21
Выводы по первой главе.....	22-24
ГЛАВА 2. Стилистическая характеристика антонимов	25-34
2.1. Антонимы как лексическое средство создания стилистических фигур.....	25-30
2.2. Стилистические функции антонимов в художественной речи.....	30-32
Выводы по второй главе... ..	32-34
ГЛАВА 3. Стилистические и лингвокогнитивные особенности антонимов в пословицах и поговорках.....	35-59
3.1. Жанровые и языковые особенности русских пословиц и поговорок.....	35-44
3.2. Стилиобразующая функция антонимов в пословицах и поговорках.....	44-51
3.3. Антонимы как ключевые слова фольклорной картины мира в пословице-антитезе.....	51-56
Выводы по третьей главе	57-59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	60-64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	65-66
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	67-76

ВВЕДЕНИЕ

Республика Узбекистан после достижения государственной независимости мирным парламентским путем в 1991 году, отказавшись от изжившей себя тоталитарной, административно-командной системы, избрал собственную «узбекскую модель» социального прогресса и устойчивого развития. Суть и содержание разработанной и последовательно реализуемой Президентом Республики Узбекистан И.А.Каримовым сегодня «узбекской модели развития» состоит в реализации политических, экономических, социальных и правовых реформ, базирующихся на пяти принципах:

- деидеологизация экономики и ее приоритет над политикой;
- возложение на государство роли главного реформатора, то есть функции инициатора и координатора реформ;
- обеспечение верховенства закона;
- осуществление сильной социальной политики;
- поэтапность и эволюционность проводимых демократических реформ.

Все это привело кардинальному изменению и обновлению государственного и конституционного устройства страны. «Но достигнутое, – как подчеркнул Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, – это только часть длинного и сложного пути к цели, которую мы поставили перед собой – построить открытое демократическое правовое государство с устойчиво развивающейся экономикой и уважаемое в мире общество, где не на словах, а на деле высшей ценностью является человек, его интересы, его права и свободы» (Каримов, 2010, с. 6). Предложенная Президентом Республики Узбекистан И.Каримовым на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране» носит всеобъемлющий характер и является новым этапом в демократизации страны.

В качестве важнейших приоритетов дальнейшего углубления демократических преобразований в Концепции предлагается принять следующие направления:

- I. Демократизация государственной власти и управления;
- II. Реформирование судебно-правовой системы;
- III. Реформирование информационной сферы и обеспечение свободы слова и информации;
- IV. Обеспечение свободы выбора и развитие избирательного законодательства в Узбекистане;
- V. Формирование и развитие институтов гражданского общества;
- VI. Дальнейшее углубление демократических рыночных реформ и либерализации экономики (Каримов, 2010).

В своем труде «Высокая духовность – непобедимая сила» Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов уделяет большое внимание вопросам возрождения национальных духовных ценностей и приобщения народа Узбекистана к мировой культуре и общечеловеческим ценностям: «Процветание независимого Узбекистана и признание его мировым сообществом, широкая внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность нашего государства стали дополнительным стимулом к возрождению духовных ценностей и потенциала узбекского народа, осознанию себя в качестве равноправной нации в семье других народов. <...> Широкие международные контакты создали благоприятную почву не только для более глубокого познания мировой культуры, приобщения к общечеловеческим ценностям, но и позволили развиваться таланту узбекского народа в различных сферах деятельности, дали возможность в полной мере проявить такие его исключительные качества, как предприимчивость и коммуникабельность, быстрое овладение несколькими иностранными языками» (Каримов, 2008).

Необходимость изучения иностранных языков как одного из направлений развития духовности общества неоднократно подчеркивалась и в более ранних трудах Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова: «Еще од-

на наша важнейшая задача – содействовать развитию языка, культуры, обычаев и традиций всех проживающих в Узбекистане наций и народностей, дальнейшему расширению в этой сфере возможностей и условий...» (Каримов, 200, с. 65). Не меньшая роль отводится зарубежной филологии и в деле воспитания молодежи: «В настоящее время у нас в стране придается большое значение изучению и преподаванию иностранных языков. И это, конечно, неспроста. Сегодня для нашей страны, стремящейся занять достойное место в мировом сообществе, трудно переоценить значение совершенного знания иностранных языков нашими людьми, ведь народ наш видит свое будущее в согласии, сотрудничестве с иностранными партнерами» (Каримов, 1998, с. 321-322).

В процессе изучения иностранного языка, в частности, русского, большое значение имеет исследование вопросов лексикологии, в частности, проблемы антонимии и ее стилистических и лингвокогнитивных особенностей.

Актуальность темы исследования. Исследованию антонимии посвящено значительное количество научных трудов, в которых рассматриваются самые разные проблемы теории слов с противоположным значением: особенности, признаки подобных лексем, их семантические и прагматические характеристики, сопоставительное описание антонимов разных языков, семантико-деривационный и лингвокогнитивный аспекты антонимии, специфика функционирования антонимов в научной речи, публицистике, художественных текстах и т. д.

Богатство, выразительность и разнообразие антонимов в русском языке ставят в современной лингвистике всё новые и новые задачи. В частности, стилистико-языковая характеристика антонимов, входящих в русские пословицы и поговорки до сих пор не нашла в науке достаточно полного освещения. В то же время, активное употребление такого мощного языкового средства выражения различного рода противопоставлений, как антонимы, является одним из главных секретов совершенства пословиц и поговорок. Такие свойства русских паремий, как ёмкость и структурно-синтаксическая завер-

шенность, парадоксальность, сочетание универсального / индивидуального, структурно-синтаксическое значение вневременности, не допускающее вопросов «Кто?», «Когда?», «Где?» к носителю предикативного признака, – все это в совокупности выделяет вопрос о стилистико-языковых и лингвокогнитивных особенностях антонимов в пословицах и поговорках в число ключевых и требует всестороннего анализа.

Цель квалификационной работы заключается в определении стилистико-языковой и лингвокогнитивной характеристики антонимов в пословицах и поговорках.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать антонимию как проявление системности лексики;
- 2) определить логическую основу антонимии;
- 3) охарактеризовать устоявшиеся в русском языкознании принципы структурной классификации антонимов;
- 4) выявить основания семантической классификации антонимов;
- 5) раскрыть специфику функционально-derivационной классификации антонимов
- 6) охарактеризовать антонимы как лексическое средство выражения антитезы, оксюморона, антифразиса и «нанизывания противопоставлений»;
- 7) проанализировать жанровые и языковые особенности русских пословиц и поговорок;
- 8) выявить стилеобразующую функцию антонимов в пословицах и поговорках;
- 9) проанализировать роль антонимов в репрезентации фольклорной картины мира в пословице-антитезе.

Сопоставительный анализ степени изученности темы работы

Несмотря на значительные достижения в области исследования русской антонимии (Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, В.Н. Комиссаров,

Л.Ю. Максимов, Д.Н. Шмелёв, Л.А. Новиков, Ю.Д. Апресян, В.А. Иванова, Е.Н. Миллер, Л.А. Введенская, Н.П. Колесников, М.Р. Львов и др.), многие вопросы до сих пор носят дискуссионный характер (по-разному понимается смысловая противоположность, нет единого определения антонимов, ведутся споры об отнесении тех или иных слов к антонимической парадигме и т.п.).

К концу XX – началу XXI столетия в науке о языке сформировалось два подхода к истолкованию антонимии:

1) узкий (классический, традиционный) подход, изложенный в большинстве работ по антонимии и вузовских учебных пособий (В.Н. Комиссаров, Л.Ю. Максимов, Д.Н. Шмелёв, Л.А. Новиков, Ю.Д. Апресян, В.А. Иванова, Л.А. Введенская, Н.М. Шанский, М.И. Фомина и др.);

2) широкий подход, при котором к антонимам относятся слова, противопоставленные друг другу по любому признаку (В.Н. Ключева, О.С. Ахманова) и даже имена собственные (Н.П. Колесников).

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые применяется комплексный подход к изучению антонимов, ориентированный на выявление их стилеобразующей функции в русских пословицах и поговорках, а также на определение их статуса ключевых слов фольклорной картины мира в пословице-антитезе. Также, впервые для исследования такого рода привлекаются материалы сборника «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля.

Объектом исследования являются антонимы как элементы лексико-семантической системы русского языка и как лексическое средство создания различных стилистических фигур.

Предмет исследования составляет антонимы в русских народных пословицах и поговорках в стилистическом и лингвокогнитивном аспектах..

Научная значимость работы заключается в развитии нового подхода к анализу стилеобразующей и лингвокогнитивной функциям антонимов в структуре русских пословиц и поговорок. Перспективность дальнейшей разработки поставленных в работе проблем также не вызывает сомнения, с уче-

том обширности имеющегося языкового материала и его большой культурологической значимости.

Структура работы находится в строгом соответствии с поставленными исследовательскими задачами. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и одного приложения.

Во Введении обосновывается актуальность исследования, определяются его объект и предмет, цель и задачи, а также научная новизна.

Первая глава «Антонимия как категория лексико-семантической системы языка» посвящена характеристике антонимии как одного из признаков системности лексики; определена логическая основа антонимии; охарактеризованы принципы принятых в современной науке о языке классификаций антонимов (структурной, семантической и функционально-деривационной).

В главе второй «Стилистическая характеристика антонимов» дана характеристика антонимов как лексического средства выражения антитезы, оксюморона, антифразиса и «нанизывания противопоставлений». Там же определены стилистические функции антонимов в художественной речи.

В третьей главе «Стилистические и лингвокогнитивные особенности антонимов в пословицах и поговорках» содержится анализ жанровых и языковых особенностей русских пословиц и поговорок, интерпретация стилеобразующей функции антонимов в пословицах и поговорках и анализ роли антонимов в репрезентации фольклорной картины мира в пословице-антитезе.

Каждая глава завершается основными выводами.

В Заключении обобщаются результаты исследования.

Список литературы включает в себя перечень основных материалов, привлеченных для работы над выпускной квалификационной работой.

В приложение вынесены результаты выборки и анализа конкретного языкового материала из сборника «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля.

ГЛАВА 1. АНТОНИМИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1.1. Антонимия как проявление системности лексики

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой для антонимии дается предельно краткое определение: «Антонимия (антонимика) <...> Семантическая противопоставленность, противоположность» [Ахманова, 1966, с. 50]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой антонимия определяется более развернуто: «Тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения (антонимов). Будучи категорией лексико-семантической системы языка, антонимия представляет собой одну из универсалий языковых: она свойственна всем языкам, а ее единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификаций антонимов» [ЛЭС, 1990, с. 35]. Данное определение феномена антонимии следует считать общепризнанным в современной науке о языке. Из него следует, что, во-первых, в основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков; во-вторых же, антонимия представляет собой одно из существенных измерений лексико-семантической системы различных языков.

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.И. Розенталя отмечается, что «основой антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрастать или убывать и доходить до противоположного. Поэтому особенно много антонимов среди имен прилагательных, выражающих понятия качества (хороший — плохой), различные ощущения (*твердый — мягкий, горячий — холодный, мокрый — сухой, сладкий — горький*), объема, протяженности, размера (*толстый — тонкий, большой — маленький, широкий — узкий, высокий — низкий, длинный — корот-*

кий, просторный — тесный), веса (*тяжелый — легкий*), формы (*острый — тупой*), цвета (*белый — черный, светлый — темный*), психологических оценок (*добрый — злой, нежный — грубый, веселый — печальный, храбрый — трусливый*), времени (*ранний — поздний*), пространства (*близкий—далекий*), возраста (*молодой — старый*) и т. д. Аналогичные значения противоположности и контраста могут выражать имена существительные (*добро — зло, сила — слабость, молодость — старость, жизнь — смерть, здоровье — болезнь, работа — отдых, победа — поражение, мир — война, утро — вечер, лето — зима, юг — север, верх — низ*), глаголы (*жить — умирать, работать —отдыхать, любить—ненавидеть, радоваться — печалиться, уважать — презирать, расцветать — увядать, приходиться — уходить*), наречия (*рано—поздно, близко—далеко, впереди — сзади, здесь — там, сюда — туда*), предлоги (*в — из, под — над*) и т. д.» [Розенталь, 1985, с. 23-24].

Важно подчеркнуть, что антонимы всегда относятся к одной предметной области, поскольку они «обозначают соотносительные, логически совместимые понятия. Так, слова *низкий* и *высокий* выражают проявления одного и того же признака – высоты, а *молодой* и *старый* обозначают контрастные «точки» возраста. Они взаимно предполагают друг друга: *низкий* непременно предполагает существование *высокого*, а *молодой* обязательно вызывает представление о *старом*, и наоборот. <...> В то же время антонимы взаимно отрицают друг друга. Один и тот же предмет не может быть одновременно и *низким* и *высоким*, а один и тот же человек – и *молодым* и *старым*. Низкое – это отрицание высокого, а молодое – отрицание старого» [Тихонов, 1991, с. 86-87]. Однако, как подчеркивают исследователи, «антонимы не являются простым отрицанием друг друга. Они выражают предельное отрицание противоположного значения, вскрываемое путем семантического анализа: сильный – слабый (= предельно не+сильный)».

Впервые понимание обязательности признака логико-семантической соотносительности понятий при определении антонимичности слов, назы-

вающих эти понятия, было четко сформулировано Н.М. Шанским в работе «Лексикология современного русского языка» [Шанский, 1972, с. 64].

В семантическом поле, т. е. в упорядоченном множестве языковых единиц, объединенных общим (инвариантным) значением, антонимы тесно взаимосвязаны не только друг с другом (ср. *полный* – *худой*), но и с иными категориями лексических единиц: синонимами (*полный* – *толстый*, *пухлый*, *жирный*; *худой* – *костлявый*, *тощий*), лексическими конверсивами (*Она полнее его* ↔ *Он худее ее*), лексико-семантическими вариантами слова (*полный*₅ «толстый» – ср. *полный*₁, «содержащий в себе что-нибудь до своих пределов, замещенный целиком» (*Полный кувшин воды*), *полный*₂ «целиком проникнутый, охваченный чем-либо» (*Глаза, полные жизни*), *полный*₃ «цельный, законченный, исчерпывающий» (*Полное собрание сочинений. Полный список присутствующих*), *полный*₄ «достигший предела, наивысший» (*В полном расцвете сил. Полная свобода*); они могут вступать также в отношения омонимии (*худой*₁ «тощий» – *худой*₂ «плохой», *худой*₃ «дырявый, испорченный») и некоторые другие. Семантическое поле является наиболее полным и адекватным отражением лексической системы языка, тех разнообразных связей слов, которые существуют в языковом сознании людей.

Можно без всякого преувеличения сказать, что противоположность как понятие («наивное» или строго научное) является одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума и лежит в основе различных представлений в обыденной жизни, научном познании, философских построениях, этике, эстетике, религии.

Важно подчеркнуть, что ощущение и восприятие противоположности могут в известной степени зависеть от возраста, профессии людей, географических, климатических, социальных и других условий их жизни и быть иногда достаточно субъективными. В связи с этим, наряду с языковыми (точными) антонимами в речи широко используются антонимы контекстуальные [Розенталь, 1985, с. 24]. Это так называемые «приблизительные» антонимы («квазиантонимы»). Они представляют собой, прежде всего, семантически

неоднородные противопоставления, в которых слова могут отличаться друг от друга тем или иным элементом (компонентом) значения, входящим в смысловую структуру только одного из них: от антонимов *давать* – *брать* (основные значения: «вручать» – «принимать в руки») оппозиция *давать* – *отнимать*, не представляющая точной противоположности, отличается тем, что в толковании второго члена этой пары есть указание на совершение действия с применением силы, не выраженное в первом (*отнимать* – «брать что-нибудь у кого-либо силой»).

К неточным антонимам относятся и семантически однородные, но стилистически разноплановые или разновременные по своему характеру противопоставления. Пары *вспоминать* – *забывать*, *жениться* – *разводиться*, *дух* – *тело* образуют истинные антонимы, в то время как включенные в соответствующие словарные статьи противопоставления *вспомнить* – *запомнить* (разг.), *жениться* – *разжениться* (прост.), *дух* – *плоть* (устар.) по указанным выше причинам образуют лишь приблизительную и редко воспроизводимую противоположность.

1.2. Логическая основа антонимии

Л.А. Новиков в своей статье «Русская антонимия и ее лексикографическое описание» приводит исчерпывающее описание логической основы антонимии. (См. в кн.: Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – С. 9-10).

Согласно этой точке зрения, логическую основу антонимии образуют противоположные видовые понятия. Они входят в объем родового понятия, которое отражает единую и вместе с тем дифференцируемую, «раздвоенную» сущность: «белый» – «черный» [«цвет»], «легкий» – «тяжелый» [«вес»], «медленный» – «быстрый» [«скорость»], «подниматься» – «опускаться» [«вертикальное движение»], «истина» – «ложь» [«соответствие действительности»] и т. п.

Различаются два вида противоположности: контрарная (от лат. *contrarius* – противоположный) и комплементарная (от лат. *complementum* – дополнение).

Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями «X» и «Y», между которыми возможно третье, среднее «Z» и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием: «молодой» – <«средних лет», «пожилой»> – «старый». Комплементарная противоположность представлена видовыми понятиями «X» и «Y», дополняющими друг друга до родового так, что между ними невозможно никакое третье, среднее понятие: «истинный» – «ложный». Родовое понятие здесь исчерпывается двумя видовыми, поэтому отрицание одного из них дает содержание другого: «неистинный» значит «ложный», и наоборот. Каждое из таких понятий характеризуется также своим положительным содержанием в отличие от противоречащих понятий типа «молодой» – «немолодой» (т. е. «средних лет», «пожилой», «старый»), где второе видовое понятие негативно по своему характеру и неопределенно. В силу этого такое противопоставление не образует противоположности и не является логической основой антонимии. Чтобы выразить истинную противоположность, второй член противопоставления должен быть здесь конкретизирован, обозначен более определенно («немолодой» → «старый»): «в нем определенность необходимо должна определить себя точнее, должна стать определенностью *в себе*, противоположением».

Противоположные видовые понятия в отличие от противоречащих определяют предел проявления качества, свойства, действия, определяемых тем или иным родовым понятием. Они и образуют логическую модель истинной антонимии.

Логическая модель противоположности является необходимым, но недостаточным условием лексической антонимии: она становится в языке моделью антонимии только у слов, обозначающих качество (в широком смысле этого слова), выражающих противонаправленность действий, состояний,

признаков, свойств, а также у некоторых других лексических единиц. Учет природы и особенностей семантики языковых единиц позволяет отграничить антонимы от других противопоставлений слов, не образующих антонимии.

Все лексические единицы, выражающие антонимию, обнаруживают общий (инвариантный) признак – наличие предельного отрицания в толковании одного из антонимов: *молодой* – *старый* (т. е. «предельно не молодой»); *истинный* – *ложный* (т. е. «неистинный», предельно отрицающий истину); *входить* – *выходить* (*входить* – «идя, начинать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь», *выходить* – «идя, переставать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь», но *начинать* – *переставать* можно представить как «начинать – начинать не», например, *начинать петь* – *переставать петь* (= «начинать не петь»); такое отрицание предельно по своему характеру, так как глаголы обозначают диаметрально противоположные действия).

1.3. Структурная, семантическая и функционально-деривационная классификация антонимов

Богатство и разнообразие русской антонимии, ее типология раскрываются в полной мере при рассмотрении классификации антонимов. Наиболее существенными являются структурная, семантическая и функционально-деривационная классификации слов с противоположными значениями.

«По своей структуре антонимы делятся на разнокоренные (хороший-плохой, начало – конец, быстро - медленно) и однокоренные (входить – выходить, культурный - некультурный, революция - контрреволюция) <...> существует более узкое понимание антонимов, например, как только качественных и только разнокорневых слов, однако это понимание антонимии не учитывает в полной мере всех возможностей выражения противоположности в языке» [ЛЭС, 1990, с. 36].

Большинство антонимов – слова разных корней. Разнокоренная антонимия буквально пронизывает важнейшие лексико-грамматические классы слов (части речи), особенно прилагательные, наречия, существительные и глаголы: *высокий – низкий, умный – глупый; быстро – медленно, громко – тихо, рано – поздно; правда – ложь, подъем – упадок, начало – конец, день – ночь; поднимать – опускать, перегонять – отставать; всё – ничто, все – никто; да – нет, вот – вон; в – из, к – от, до – после; марш! – стоп!* и т.д.

У однокоренных слов значение антонимичности возникает или как результат присоединения к одному и тому же слову антонимичных приставок (*при + ходить – у + ходить, со + бирать – раз + бирать*), или как следствие употребления приставки, придающей слову противоположный смысл (*грамотный – не + грамотный, революционный – контр + революционный*).

Наиболее разветвленную систему однокоренной антонимии образуют приставочные глаголы: *вводить – выводить, влезать – вылезать, ввертывать – вывертывать, всыпать – высыпать* и др.; в других случаях корреляции антонимичных приставок нет и антонимы образуются путем прибавления приставки к слову, придающей ему полярное значение (*убеждать – разубеждать, мобилизовывать – демобилизовывать* и т. п.). В отличие от глаголов характерным проявлением однокоренной антонимии у прилагательных является, напротив, последнее отношение: бесприставочное слово – приставочное слово (*военный – антивоенный, демократический – антидемократический*). Однокоренная антонимия существительных является в значительной степени отражением антонимии глаголов и прилагательных: *ввоз – вывоз, вселение – выселение* (ср. *ввозить – вывозить, вселять – выселять*); *недовыполнение – перевыполнение* (ср. *недовыполнять – перевыполнять*); *приход – уход* (ср. *приходить – уходить*). Значительно беднее у существительных собственная, неотраженная антонимия (*революция – контрреволюция, удар – контрудар; тезис – антитезис, фашист – антифашист* и др.).

В науке имеется представление еще об одной разновидности антонимии – внутрисловной, т. е. противоположности значений одного и того же

многозначного слова. Это явление называется энантиосемией (англ. enantiosemy, нем. Enantiosemie – поляризация значений слова). Как указывают авторы «Лингвистического энциклопедического словаря, «особую, непродуктивную, разновидность антонимов образуют слова, совмещающие в себе противоположные значения: «одолжить» - 1) дать в долг, 2) взять в долг; «наверно» - 1) может быть, 2) несомненно, точно. Это явление называется внутрисловной антонимией, или энантиосемией» [ЛЭС, 1990, с. 36]. Внешним, формальным выражением здесь являются не корневые или аффиксальные морфемы, а сами контексты употребления слова в его полярных значениях: *одолжить кому-нибудь денег* «дать в долг» – *одолжить у кого-нибудь денег* «взять в долг» (синтаксическое различие контекстов), *специально оговориться* (в предисловии к книге) «сделать оговорку» – *нечаянно оговориться* «ошибиться» (лексическое различие контекстов). Слово *погода* известно в языке художественной литературы в двух противоположных значениях («хорошая погода» и «плохая погода, ненастье»): «Дождь и холод – нет *погоды!* Выйти некуда – хоть брось!» (И. С. Никитин. Дачная жизнь) и «Я говорил вам, – воскликнул он, – что нынче будет *погода*; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой» (М. Ю. Лермонтов. Бэла). Ср. также случаи речевой энантиосемии, когда слово благодаря экспрессивной иронической интонации приобретает прямо противоположный смысл: *Ну и чистый!* (о грязном костюме, внешнем виде человека). *Ох, и умен же!* (о глупом, недалеком человеке).

Семантическая классификация антонимов основывается на выражаемом ими типе противоположности. В зависимости от характера обозначаемой противоположности антонимы объединяются в соответствующие классы. Вот основные из них.

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность. Такие широко представленные в языке слова реализуют контрарную противоположность и обнаруживают градуальные (ступенчатые) оппозиции, дающие представление о постепенном изменении качества (свойства, признака): *лег-*

кий (простой, пустяковый) – нетрудный – средней трудности – нелегкий – трудный (сложный).

Антонимичные слова, выражающие крайние проявления качества, обнаруживают симметричные отношения и отстоят друг от друга в парадигме на одинаковом семантическом расстоянии от точки отсчета:

<i>холодный прохладный нормальной теплый горячий</i>				
<i>температуры</i>				
-2	-1	0	+1	+2

Особого замечания требуют в этой связи прилагательные с приставкой *не-*, не выражающие действительной антонимии. Логически они основываются на отрицании исходного понятия: «трудный» – «нетрудный», «легкий» – «нелегкий». Благодаря тому, что понятие «нетрудный» занимает в этом поле все семантическое пространство, за исключением зоны «трудный», соответствующее ему прилагательное *нетрудный* смещается в сторону и приближается к другому крайнему члену парадигмы – слову *легкий* (выражающему соответствующее понятие «легкий»). Наоборот, прилагательное *нелегкий* по тем же самым причинам тяготеет к лексической единице *трудный*:

<i>трудный</i>	<i>нетрудный</i>
<i>нелегкий</i>	<i>легкий</i>

Ср.: *Это задача нелегкая, трудная. Ее ответ был неумным, даже глупым.* Градуальная оппозиция может быть представлена всего тремя словами: *новый – поношенный – старый* (костюм), *грамотный – малограмотный – неграмотный*, *громкий – негромкий – тихий*. Наконец, в целом ряде градуальных противопоставлений средний член не имеет специального выражения, но всегда подразумевается как некоторая точка отсчета противоположности: *грубый – (0) – нежный* (голос), *передовой – (0) – отсталый*, *слава – (0) – позор* и т. п. Промежуточный член в таких противопоставлениях может быть выражен описательно, например: *не очень грубый; ни передовой, ни отсталый* и т. п.

2. Антонимы, выражающие дополнителъность (комплементарность). В этот класс антонимов объединяется сравнительно небольшое количество слов, обнаруживающих комплементарную противоположность. Шкала противопоставлений представлена здесь всего двумя противоположными членами (если не считать, конечно, их синонимов), дополняющими друг друга до целого. Отрицание одного из таких антонимов дает значение другого, т.к. между ними нет ничего среднего. Этот тип семантического отношения обнаруживается в таких противопоставлениях, как *верный – неверный, влажный – сухой, внутри – снаружи, война – мир, добровольный – принудительный, женатый – холостой, живой – мертвый, жизнь – смерть* и др. (ср. также производные от указанных слов: *верность – неверность, истинность – ложность, конечность – бесконечность, постоянно – временно, соблюдение – нарушение* и т. п.). Выражение комплементарности предполагает классифицирующий, отграничительный, дизъюнктивный характер семантики антонимов: *болен – здоров, истина (правда) – ложь (неправда), верный – неверный*. В обиходных выражениях типа *Он не совсем здоров, Это не совсем верно* мы имеем дело с эвфемистическим, «смягченным» употреблением слов, истинный смысл которых – «болен», «неверно».

3. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков. Это – векторная противоположность антонимов, основанная на логически противоположных понятиях. Векторная взаимоположная направленность слов – широко распространенное явление в лексике, охватывающее большое количество языковых единиц. Еще Гегель отмечал наряду с противоположностью *добродетель* и *порок, добро* и *зло* противоположность разнонаправленных действий, движений, например, движение, путь на восток – движение, путь на запад; определенная точка зрения – «имеющееся вне их отношение – делает одно из этих направлений положительным, а другое – отрицательным». Кроме глаголов, векторная противоположность представлена существительными, прилагательными, наречиями, предлогами: *въезжать – выезжать, приближаться – удаляться,*

прилетать – улетать; завязывать – развязывать, замедлять – ускорять, богатеть – беднеть, жениться (выходить замуж) – разводиться; вверх – вниз, вперед – назад, туда – оттуда, в – из, к – от, на – с и др.

Возможна и другая семантическая систематизация антонимов – их распределение по основным темам (полям). С этой точки зрения можно выделить большие классы противоположных слов, которые обозначают явления природы (подмораживать – оттаивать), физические качества и свойства предметов (легкий – тяжелый), количество, порядок, последовательность их расположения (много – мало, первый – последний), движение, перемещение, изменение положения в пространстве (подходить – отходить), различного рода конкретные действия (надевать – снимать), внешний вид и физические качества человека (широкоплечий – узкоплечий) и мн. др.

Функционально-деривационная классификация антонимов основана на «глубинных» функциональных связях противоположных слов и не опирается на их формальное подобие. Такая классификация дает возможность полнее представить систему антонимии, обратив внимание на такие связи противоположных слов, которые обычно остаются незамеченными.

Есть достаточное основание полагать, что большое разнообразие антонимических отношений можно свести к ограниченному числу исходных противопоставлений, таких, как *большой – маленький (малый), хороший – плохой, начало – конец*, взаимная противопоставленность и взаимное дополнение противоположностей и некоторые другие. Так, нижеследующие пары антонимов (а это только отдельные иллюстрации!) объединяются тем, что являются различным языковым выражением одной и той же функции «большой/маленький» (f «большой/маленький»), примененной к различным словам-аргументам. Ср.:

(провод)	= длинный – короткий
(мачта)	= высокая – низкая
(скважина)	= глубокая – мелкая
(проход)	= широкий – узкий
(слой)	= толстый – тонкий

(орех)	= крупный – мелкий
(расстояние)	= далекое – близкое
(срок)	= долгий – короткий
(гиря)	= тяжелая – легкая
(мороз)	= сильный – слабый
(суп)	= густой ~ жидкий
(бег)	= быстрый – медленный
(голос)	= громкий – тихий
(товар)	= дорогой – дешевый
(человек)	= богатый – бедный

и т. д.

В каждом сочетании функция «большой/маленький» конкретизируется в зависимости от того или иного слова-аргумента: {по протяженности вдоль} (*провод*) = *длинный – короткий*, {по протяженности вдоль снизу вверх} (*мачта*) = *высокая – низкая*, {по протяженности вдоль сверху вниз} (*скважина*) = *глубокая – мелкая*, {по протяженности поперек} (*проход*) = *широкий – узкий*, {по протяженности в поперечнике в вертикальном направлении или снаружи – внутрь/изнутри – наружу} (*слой*) = *толстый – тонкий*, {по объему} (*орех*) = *крупный – мелкий*, {по отдаленности} (*расстояние*) = *далекое – близкое*, {по протяженности во времени} (*срок*) = *долгий – короткий*, {по весу} (*гиря*) = *тяжелая – легкая*, {по температуре} (*мороз*) = *сильный – слабый*; такая конкретизация становится особенно необходимой в последующих примерах: {по насыщенности чем-либо} (*суп*) = *густой – жидкий*, {по скорости} (*бег*) = *быстрый – медленный*, {по силе звучания} (*голос*) = *громкий – тихий*, {по цене} (*товар*) = *дорогой – дешевый*, {по имуществу, достатку} (*человек*) = *богатый – бедный* и т.д. Подобным же образом в один ряд могут быть объединены такие разные противоположности, как *рождение – смерть, открытие – закрытие, старт – финиш, утро – вечер, исток – устье, увертюра – финал* и т.д. как различные обозначения начала и конца жизни, конференции, забега, дня, реки, музыкального произведения и т. п.

Выводы по первой главе

В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Антонимия представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий, один из важнейших показателей системности лексики различных языков, в том числе русского языка.

Логическую основу антонимии образуют противоположные видовые понятия. Они входят в объем родового понятия, которое отражает единую и вместе с тем разделяемую, «раздвоенную» сущность: «белый» – «черный» [«цвет»], «легкий» – «тяжелый» [«вес»], «медленный» – «быстрый» [«скорость»], «подниматься» – «опускаться» [«вертикальное движение»], «истина» – «ложь» [«соответствие действительности»] и т. п. В то же время, между антонимами в языке могут быть слова, отражающие указанный признак в различной мере, т. е. его убывание или возрастание. Например: *богатый - зажиточный - неимущий - бедный - нищий; вредный - безвредный - бесполезный - полезный*. Такое противопоставление предполагает возможную степень усиления признака, качества, действия, или **градацию** (лат. *gradatio* - постепенное повышение). Семантическая градация (градуальность), таким образом, свойственна лишь тем антонимам, смысловая структура которых содержит указание на степень качества: *молодой - старый, большой - маленький, мелкий - крупный* и т.п. Такие антонимы именуются **контрарными**. Иные же антонимические пары лишены признака градуальности: *верх - низ, день - ночь, жизнь - смерть, мужчина - женщина*. Такие антонимы являются **комплиментарными**.

Существует несколько классификаций слов с противоположными значениями. Наиболее существенными из их числа являются структурная, семантическая и функционально-деривационная классификации

При структурной классификации выделяются **разнокоренные** (день - ночь) и **однокоренные** (приходить - уходить, атака - контратака) антонимы.

Первые составляют группу собственно лексических антонимов, вторые - лексико-грамматических. У однокорневых антонимов противоположность значения вызвана различными приставками, которые также способны вступать в антонимические отношения; ср.: *вложить - выложить, приставить - отставить, закрыть - открыть*. Следовательно, противопоставление таких слов обязано словообразованию.

Семантическая классификация антонимов основывается на выражаемом ими типе противоположности. В зависимости от характера обозначаемой противоположности антонимы объединяются в соответствующие классы. Вот основные из них.

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность. Такие широко представленные в языке слова реализуют контрарную противоположность и обнаруживают градуальные (ступенчатые) оппозиции, дающие представление о постепенном изменении качества (свойства, признака): *легкий (простой, пустяковый) - нетрудный - средней трудности - нелегкий - трудный (сложный)*.

2. Антонимы, выражающие дополительность (комплементарность). Этот тип семантического отношения обнаруживается в относительно немногих противопоставлениях, таких, как *верный - неверный, влажный - сухой, внутри - снаружи, война - мир, добровольный - принудительный, женатый - холостой, живой - мертвый, жизнь - смерть, занятый - свободный* и др.

3. Антонимы, выражающие векторную противоположность действий, свойств и признаков. Векторная противоположность антонимов основана на логически противопоставленных понятиях. Это широко распространенное явление в лексике, охватывающее большое количество языковых единиц. Кроме глаголов, векторная противоположность представлена существительными, прилагательными, наречиями, предлогами: *в(о)сходить - заходить, светать - темнеть; въезжать - выезжать; восход - заход, заболевание - выздоровление, сборка - разборка, увеличение - уменьшение, сторонник - противник, фашист - антифашист, революция - контрреволюция; насту-*

пательный – оборонительный, государственный – антигосударственный, законный – противозаконный; вверх – вниз, вперед – назад, туда – оттуда, в – из, к – от, на – с и др.

Функционально-деривационная классификация антонимов основана на «глубинных» функциональных связях противоположных слов и не опирается на их формальное подобие. В этом случае предполагается, что большое разнообразие антонимических отношений можно свести к ограниченному числу исходных противопоставлений (иначе - функций) типа *большой – маленький (малый), хороший – плохой, начало – конец, полезный – вредный*. Большое значение при этом приобретает контекст, в который помещен какой-либо из членов данной антонимической пары.

ГЛАВА 2. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТОНИМОВ

2.1. Антонимы как лексическое средство создания стилистических фигур

Антонимы используются как яркое выразительное средство в художественной речи. Писатель видит жизнь в контрастах, и это свидетельствует не о противоречивости, а о цельности восприятия им действительности.

Основная стилистическая функция антонимов - быть лексическим средством выражения **антитезы**. Антитеза как стилистический прием широко распространена в народном поэтическом творчестве, например в пословицах: *Ученье - свет, а неученье - тьма; Мягко стелет, да жестко спат.*

Классические примеры использования антитезы дает русская художественная литература: *Ты богат, я очень беден. Ты прозаик, я поэт. Ты румян, как маков цвет, я, как смерть, и тощ, и бледен (П.); Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ (Л.); Я вижу печальные очи, я слышу веселую речь (А.К.Т.).*

Антитеза бывает **простой** (одночленной) - *У сильного всегда бессильный виноват (Кр.)* и **сложной** (многочленной) - *И ненавижим мы, и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, И царствует какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови (Л.).* В сложную антитезу должно быть вовлечено несколько антонимичных пар.

Обращение к антонимам отражает важные особенности мировоззрения и слога писателя. М.Ю. Лермонтов, стремясь к выразительности, афористической отточенности речи, нередко вводил в текст антонимы в процессе авторедактирования, предпочитая контрастные слова нейтральным. Например: - *Что до меня касается, то я убежден только в одном... - сказал доктор [Вернер], - (...) что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру. - Я богаче вас. - сказал я [Печорин]: - у меня, кроме этого, есть еще убеждение, - именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться.* В черно-

вом автографе Лермонтова это противопоставление еще не имело такой остроты: там выпадал один из элементов антитезы - Печорин повторял эпитет Вернера *в один прекрасный вечер*.

Антонимы способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов, явлений: *Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь (Н.); То серьезный, то потешный, ни о чем, что в дождь, что в снег, - он идет, святой и грешный, русский чудо-человек (Твард.)*.

Часто обращаются к антитезе публицисты (*Нет на войне промежуточных тонов, бледных красок, все доведено до конца - великое и презренное, черное и белое. - Эрен.*). Употребление антонимов придает публицистической речи яркую экспрессию. Так, А.Н. Толстой писал в годы Великой Отечественной войны: *Наша земля немало поглотила наезжавших на нее насильников. На западе возникали империи и гибли. Из великих становились малымями, из богатых нищими. Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее*.

Противопоставление усиливает эмоциональность речи. Не случайно антонимия лежит в основе многих афоризмов: *Чем ночь темней, тем ярче звезды (Майк.); Дома новы, но предрассудки стары (Гр.); Мне грустно потому, что весело тебе (Л.); То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть (Н.); Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок (Ес.); Двери настежь у вас, а душа взаперти (Выс.); Но почти у края гроба Верю я: придет пора - Силу подлости и злобы Одолеет дух добра (Паст.)*.

По принципу антитезы построены многие заглавия произведений [«Война и мир» (Л.Т.); «Дни и ночи», «Живые и мертвые» (Сим.)]. Особенно часто используется антонимия в заголовках газетных и журнальных статей [«Химия добрая и злая», «Доходы и расходы», «Мертвая система не слышит живых людей», «Ретро и модерн рядом», «Проводы трагические и веселые», «География - разная, биографии схожие», «Бедность при богатстве», «Макси-страсти по мини-футболу»].

Противоположен антитезе прием, состоящий в отрицании контрастных признаков у предмета: *В брочке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок, нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод (Г.).* Такое нанизывание антонимов отрицанием подчеркивает заурядность описываемого, отсутствие у него ярких качеств, четко выраженных признаков. Подобное использование антонимов дает возможность указать не такие понятия, которые в языке не имеют точного определения, например: *Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так... (Выс.).*

Сильную экспрессию создает употребление одного из членов антонимической пары с отрицанием: *Кем ты станешь - я гадать не буду. Мир не постарел - помолодел: на просторах Родины повсюду множество больших и малых дел (Вик.).* Подобное соединение антонимов усиливает, подчеркивает значение одного из них, употребленного без отрицания; речевая избыточность при этом выполняет избыточную функцию - служит средством актуализации понятия, на которое автор хочет обратить особое внимание: *Жив, а не умер демон во мне (Цв.); Не ссориться я пришел, а мириться; Я не враг тебе, а друг.* Писатели используют этот стилистический прием для передачи оттенков разговорной речи с характерной для нее эмфатической интонацией, например у Чехова: *Тащи-ка корягу кверху, добрый человек... Как тебя? Кверху, а не книзу!*

При столкновении антонимов речь нередко приобретает ироническую окраску; писатели-юмористы часто используют комические антитезы: *Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален (К.П.); Незрелый ананас для человека справедливого всегда хуже зрелой смородины (К.П.).* На антонимах строятся каламбуры: *Где начало того конца, которым оканчивается начало? (К.П.) Было так поздно, что стало уже рано (Солж.).* В таких случаях игра слов возникает благодаря употреблению многозначных слов, которые выступают как антонимы не во всех значениях (ср.: *Молодая была уже не молода. - И. и П.*).

Явление антонимии лежит в основе **оксюморона** (от гр. *oxúmoron* - остроумно-глупое) - яркого стилистического приема образной речи, состоящего в создании нового понятия соединением контрастных по значению слов. Сочетание антонимов в «чистом виде» в оксюмороне встречается редко [«Начало конца» (заголовок статьи), «Плохой хороший человек» (название кинофильма), В разгар периода застоя... (из газ.)]. В большинстве случаев слова, имеющие противоположное значение, соединяются как определяемое и определяющее [«Крупные мелочи», «Дорогая дешевизна», «Неудобные удобства» (заголовки)] (существительное и прилагательное), поэтому их нельзя считать антонимами в точном значении термина (антонимы должны принадлежать одной части речи).

Яркие оксюмороны создали русские поэты: *Люблю я пышное природы увяданье* (П.); *О как мучительно тобою счастлив я* (П.); *Но красоты их безобразной я скоро таинство постиг* (Л.); *Убогая роскошь наряда* (Н.); *С наглой скромностью смотрит в глаза* (Бл.); *Смотри, ей весело грустить, такой нарядно обнаженной* (Ахм.); - *Мама! Ваш сын прекрасно болен!* (Маяк.); *Пришла пора всезнающих невежд* (Выс.). Оксюморон часто встречается в названиях художественных произведений [«Живые мощи» (Т.), «Оптимистическая трагедия» (Вишн.)], в заголовках статей («Сложная простота», «Холода - сезон жаркий», «Разбуженная тишина», «Громкий шопот анекдота», «Неофициальное об официальном», «Отступление вперед»].

Стилистические функции антонимов не исчерпываются выражением контекста, противопоставления. Антонимы помогают писателям показать полноту охвата явлений: *И поздно желать, все минуло: и счастье и горе* (Вл. Соловьев); *Перед ним толпа бежала, Быль и небыль разглашала* (П.), широту временных границ: *Войска идут и день и ночь, Им становится невмочь* (П.).

Использование антонимов в этой стилистической функции иногда приводит к нанизыванию антонимических пар (*Палитра красок человеческих характеров не имеет границ. Есть люди добрые и злые, храбрые и трусливые,*

умные и недалекие, красивые и уроды, здоровые и больные, веселые и угрюмые, старые и молодые, прямые и скрытные, откровенные и хитрые.)

Некоторые антонимические пары выступают в речи как лексическое единство, приобретая фразеологический характер: *и стар и млад, и те и другие, рано или поздно*. Их употребление вносит в художественную речь разговорные интонации: *Не зарвемся, так прорвемся, Будем живы - не помрем, Срок придет, назад вернемся. Что отдали - все вернем* (Твард.).

Сопоставление антонимов может отражать чередование действий, смену явлений, наблюдаемых в жизни: *В 7 часов человечесий прилив, в 17 часов - отлиф* (Маяк.); *Помиримся. И поссоримся. И снова ты уснешь. Мы сложим наши бессонницы в сплошную белую ночь* (Р.), *указывать на быструю смену действий* (*Вон вдали блеснула ясная зарница, вспыхнула и погасла... -* (Бл.).

Особый стилистический прием - использование одного из антонимов, в то время как по смыслу следовало бы употребить другой. Например: - *Отколе, умная, бредешь ты голова?* (Кр.). Слово *умная* сказано в насмешку по отношению к Ослу. И читатель понимает, что за этим определением стоит его антоним - *глупая*. Употребление слова в противоположном значении называется **антифразисом**. Антифразис часто встречается в текстах, пронизанных авторской иронией, например в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя: *Два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собой; ...Тогда процесс пошел с необыкновенной быстротою, которую обыкновенно так славятся судилища*.

Резкий сатирический эффект создает антонимическая замена одного из компонентов в устойчивых словосочетаниях: «Бюро злостных услуг», «Долг платежом черен» (заглавия фельетонов). В подобных сочетаниях особенно обращает на себя внимание «нелогичность» высказывания, поскольку языковая форма фразеологизма диктует употребление противоположного по значению слова.

Изучая стилистическое использование антонимов в художественной речи, следует иметь в виду, что их выразительные возможности реализуются

не только при непосредственном противопоставлении, но и в том случае, когда в тексте какой-либо член антонимической пары отсутствует. Благодаря своим устойчивым связям антонимы воспринимаются в речи на фоне их «противочленов». Например, читая описание внешности Пугачева в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, мы отмечаем особую выразительность слов, имеющих антонимические пары: *Лицо он имеет смуглое, но чистое, глаза острые и взор страховитый; борода и волосы на голове черные; рост его средний или меньше; в плечах хотя и широк, но в поясице очень тонок - каждое из выделенных слов читатель мысленно отличает от возможного антонима. В этом и проявляются системные связи слов в лексике.*

2.2. Стилистическая функции антонимов в художественной речи

Использование антонимов в речи должно быть стилистически мотивировано. Неуместное употребление антонимов затрудняет восприятие фразы: *Ответ В. Пухова был лучшим из худших.*

Принято избегать сочетания взаимоисключающих признаков предмета: *Дорога шла прямая, хотя и извилистая*, однако писатели могут нарушить это требование с целью речевой характеристики героя. Так, в комедии Грибоедова «Горе от ума» Фамусов говорит Скалозубу: *«Давно полковники, а служите недавно»*. Антонимические пары должны составлять логично. Нельзя противопоставлять несопоставимые понятия. Нелогичность подобного противопоставления обыграна в драме А.П. Чехова «Три сестры»: *О л ь г а ...На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!.. Н а т а ш а ...Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый.* Это нелепое возражение Наташи подчеркивает ее ограниченность.

Анализируя употребление антонимов в речи, иногда можно столкнуться с ошибками в построении антитезы, например: *Эта книга охватывает все. Это книга о рождении и смерти, о любви и радости, о ненависти, страданиях и горе.* Автор нарушил последовательность перечисления, лишив речь

стройности. Прием антитезы требует четкости в сопоставлении контрастных понятий: после слова *любовь* следовало поставить его антоним *ненависть*, рядом со словом *радость* - *горе*, упомянув о *страданиях*, автору нужно было дать антоним к этому слову или исключить «выпадающее» из антитезы существительное.

Употребление антонимов оправдано в том случае, если оно действительно отражает диалектическое единство противоположностей окружающей жизни. Но иногда игра слов, построенная на антонимах, не отражает реального противопоставления, не вскрывает внутренних противоречий и воспринимается как своего рода трафарет (например, в заголовках газетных статей «Большие беды малого кино», «Большие беды малого флота», «Большие беды малого бизнеса» и т.д.).

Стилистической погрешностью слога могут стать и неудачные оксюмороны. Например, «Теплая метель» - в статье рассказывается о том, как во время стихийного бедствия люди были окружены вниманием и заботой. Автор стремится провести параллель между теплой заботой и ...метелью. Другой оксюморон - «Жаркая мерзлота» - использован как заголовок статьи о добыче угля в Заполярье. Так как уголь идет на топливо, автор пытается вызвать у читателя ассоциацию между жаром и мерзлотой. Нелогичность подобных заголовков очевидна.

Еще больший ущерб стилю наносит немотивированный оксюморон, случайно «проявляющийся» в результате соединения несовместимых понятий: *При наличии отсутствия необходимых материалов трудно наладить работу*. Причиной неуместного комизма высказывания порой становится и невольный каламбур, который может возникнуть в результате не замеченной автором антонимии многозначных слов, что порой придает речи двусмысленное, комическое звучание. Например: *Старый портфель отца был еще новый* - здесь использовано слово *старый* в значении «существующий с давнего времени», а слово *новый* - в значении «прочный». Но, оказавшись почти

рядом, эти прилагательные «столкнулись» в значениях «испорченный от употребления» и «не бывший в употреблении», что сделало фразу абсурдной. Искажает смысл высказывания и неуместный антифразис, т.е. употребление вместо нужного слова его антонима, например: *Трудность нашего общения с местным населением состояла в знании языка*. Слово знание автор использовал по ошибке, имея в виду как раз противоположное ему - *незнание*. Подобные ассоциативные ошибки порой не просто и заметить: *Не разговорчивый, но и не болтливый, он притягивал к себе какой-то внутренней силой* (следовало: *не молчаливый*).

Регулярность антонимических отношений в языке не позволяет свободно изменять состав антонимической пары. О плохом знании лексики свидетельствуют ошибки в построении антонимической пары: *Молодые люди живут активно, они не соглядатаи жизни, а ее участники* - слово *соглядатай* означает «человек, тайно наблюдающий за кем-то», оно не связано со словом участник антонимическими отношениями. Автору следовало написать *праздник наблюдатель, созерцатель*.

Регулярность антонимических отношений слов делает невозможным их употребление вне противопоставления. Поэтому столкновение антонимов в речи становится причиной комизма, порождает каламбуры (*Щель - узкое место, широко встречающееся в строительстве*).

Выводы по второй главе

В художественной речи антонимы являются важнейшим средством создания **антитезы** (гр. antithesis - противоположение) - стилистической фигуры контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний. По структуре антитеза может быть **простой** (одночленной) и **сложной** (многочленной). В сложную антитезу вовлечено несколько антонимических пар. Противоположен антитезе прием, состоящий в отрицании контрастных признаков у предмета: *В бричке сидел господин, не красавец, но и*

не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод (Г.). Такое наизывание антонимов с отрицанием подчеркивает заурядность описываемого, отсутствие у него ярких качеств, четко выраженных признаков. Подобное использование антонимов дает возможность указать на такие понятия, которые в языке не имеют точного обозначения: *Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так... (Выс.).*

Сопоставление антонимов в высказывании придает особую значительность каждому из названных ими предметов, что усиливает выразительность речи: *Горы разделяют страны, но сближают людей; Характер спортсменов воспитывается не триумфом побед, а горечью поражений.* Кроме того, антонимы в таких случаях принимают на себя логическое ударение, выделяя смысловые центры фразы; ср.: *Жизнь достаточно продолжительна, чтобы успеть исправить старые заблуждения, но недостаточно коротка, чтобы не успеть впасть в новые.* Явление антонимии используется и в **оксюмороне** (гр. *οξυμορον* - остроумно-глупое). Этот прием состоит в соединении контрастных лексических единиц с целью изображения нового, необычного понятия: *"Плохой хороший человек"* (название кинофильма). Одни оксюмороны строятся на подлинных антонимах (начало конца), другие - на словах с противоположными значениями, объединяемых как определяемое и определяющее: *"Живой труп"* (Л. Т.); *"Оптимистическая трагедия"* (Вишн.); ...*Пышное природы увяданье* (П.). Слова, используемые в таких оксюморонах, нельзя назвать антонимами в строгом значении термина, так как они принадлежат к разным частям речи.

В ироническом контексте может быть употреблен один антоним вместо другого: *Откуда, умная, бредешь ты голова? (Кр.).* Прилагательное *умная* относится к Ослу, и мы понимаем, что за этим определением стоит его антоним - *глупая*. Употребление слова в противоположном значении называется **антифразисом** (гр. *ἀντί* - против + *phrasis* - выражение). К антифразису часто

прибегают в обиходно-разговорной речи; так, рассеянному человеку в шутку говорят: *Какой ты внимательный!*; злому: *Как ты добр!* и т. д.

Столкновение в речи антонимов - многозначных слов порождает **каламбур** (фр. calembour). Этот стилистический прием характеризуется игрой слов, возникающей в результате восприятия многозначных слов сразу в нескольких значениях: *Молодая была уже не молода (И. и П.)* Таким образом, лексическая антонимия достаточно широко используется в художественной речи для создания целого ряда **стилистических фигур речи**.

ГЛАВА 3. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМОВ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

3.1. Жанровые и языковые особенности русских пословиц и поговорок

Пословица – малая форма народного поэтического творчества, облеченная в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщенную мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном. От пословиц отличаются сентенции и афоризмы книжного происхождения, а также поговорки, которые приближается к идиоме, к ходовому обороту речи и не имеет резко выраженного дидактического характера. «Поговорка, - говорит Даль, - окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без осуждения, заключения, применения: это одна первая половина пословицы». Вместо: «он глуп» она (поговорка) говорит: «У него не все дома, одной клепки нет, он на цвету прибит, трех не перечтет». В живой речи пословицу можно низвести до поговорки, равно как и поговорка может развиваться в пословицу: «Сваливать с больной головы на здоровую» - поговорка; «Сваливать с больной головы на здоровую не накладно» - пословица (пример Даля). Таким образом, пословица есть поэтически оформленный афоризм, поговорка - речение, речевой оборот, ходовое выражение.

Первое научное собрание русских пословиц принадлежит Снегиреву, продолжателями его явились Буслаев и Даль. Труд В.И. Даля «Пословицы русского народа» [1862] и работа Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» [1910] являются для дореволюционной России наиболее богатыми собраниями русских пословиц. Кроме сводов пословиц существует ряд произведений очеркового характера, введивший пословицы по тематическому принципу. В начале XX вв. подобные работы созданы С. Максимовым и А.С. Ермоловым. Послеоктябрьские издания пословиц посвящены преимущественно пословицам других народов России; по русской

паремиологии за истекшее время не вышло крупных работ ни собирательского, ни исследовательского характера.

Рождение пословицы и ее жизнь — это тот раздел паремиологии, который особенно и всегда интересовал исследователей. Истоки пословицы часто находятся в различных исторических ситуациях: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, *Погибоша, яко обри*, *Голодный француз и вороне рад*. Наряду с отражением методов «исторической школы» в русской паремиологии представлены попытки приложить культивируемый антропологической школой сравнительный метод. Например, отмечаются античные первоисточники целого ряда современных русских пословиц: «Человек человеку волк» — латинская «*Homo homini lupus est*», «Рука руку моет» — латинская пословица «*Manus manum lavet*». Ставится также вопрос о связи пословицы с другими жанрами литературы и фольклора. Потебня выводит пословицу из притчи и басни. Пословицей может стать кратко выраженное содержание басни в целом: «Кобыла с волком тягалась, только грива да хвост осталась». Или же на правах пословицы выступает финальная фраза басни, напр.: «И мы пахали» («Вол и муха»). Эта теория Потебни объясняет происхождение многих пословиц, вскрывая их связь с анекдотами, быличками, притчами, баснями. Но, само собой разумеется, что этот источник не единственный. Удачное слово оратора, остроумная реплика на сцене, слова ходовой песни — все это рождает повторение, запоминается и начинает ходить как пословица, напр.: «Тяжела ты, шапка Мономаха» (из «Бориса Годунова» Пушкина), «Хорошо-то на бумаге, да забыли про овраги» (перефразировка строк севастопольской песни, приписываемой Л.Н. Толстому).

Художественная природа пословицы определяет в значительной мере ее прочность, ходкость, запоминаемость. Лаконизм, краткость, удобопроизносимость пословицы как единого целого в размере единого высказывания — вот что определяет синтаксическую сторону пословицы. Если длинная пословица и запоминается, то впоследствии ее начинают произносить, не договаривая до конца. Ср.: *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову*

сломить вторая часть нередко опускается. Встречаются пословицы и книжные, но они сразу выдают себя своим синтаксисом. Устная пословица предпочитает опускать союзы и соединительные слова: *Тонул — топор сулил, вытащил — топорница жаль*. Или же соединительные слова занимают обычное в устной речи, но недопустимое в письменном языке место: *Которая служба нужнее, та и честнее*.

Образ, которым пользуется пословица, обычно общеупотребителен, он берется из басни и сказки, из мирового фонда языковой символики. Волк, свинья, пес, ворон, ворона, осел, лиса и т. д. — вот те ходовые метонимии, которыми пользуется пословица вместе с басней: «*Лиса все хвостом прикроет*», «*Сказал бы словечко, да волк недалечко*», «*Овца шерсть растит не про себя*», «*Похожа свинья на быка, да рылом не така*». Истоки этой образности лежат еще в животном эпосе, но выразительность этих образов-масок так велика, что, получая иное содержание и новые социальные функции, они отлично служат и в наше время.

Собиратели и исследователи фольклора уже давно обратили внимание на «складность» русских пословиц.

Специально рассмотрению стихотворной формы пословиц и близких к ним жанров посвящен ряд исследований российских ученых, однако многие вопросы стихотворной формы русских пословиц не получили глубокого изучения и до сих пор. Специально этой теме посвящена статья известного специалиста по народному стихосложению М. П. Штокмара, опубликованная в 1965 г. в журнале «Звезда Востока» [Штокмар, 1965], представляющая большой научный интерес. Однако в ней не все вопросы рассмотрены с одинаковой полнотой. Наиболее обстоятельно исследована пословичная рифма. Некоторые утверждения автора представляются спорными.

Признаки стихотворной речи обнаруживаются прежде всего в интонации пословиц. Л. И. Тимофеев, характеризуя интонацию стихотворной речи, отмечает, что она имеет не только метрический, но и эмоционально-экспрессивный характер. Темп стихотворной, эмоционально окрашенной ре-

чи, как правило, несколько медленнее темпа прозаической речи. В стихотворной речи много всевозможных пауз. Интонационно-смысловая самостоятельность частей предложения и даже отдельных слов при этом значительно повышается [Тимофеев, 1958, с. 20-36].

Все эти признаки в той или иной мере можно обнаружить и в значительной части пословиц, которые, как правило, из речевого потока выделяются паузами, произносятся значительно медленнее, чем остальная речь. Известную смысловую и интонационную самостоятельность в пословицах приобретают не только их части, но даже отдельные слова, которые по своей смысловой выразительности нередко приближаются к фразе. Вот примеры таких пословиц:

Стерпится-слюбится;

Сказано-сделано,

Было — и сплыло.

Как известно, стихотворная, эмоционально окрашенная речь изобилует повторениями. Всевозможные повторения мы находим и в пословицах. Это относится прежде всего к их синтаксису. В синтаксическом отношении пословицы, как правило, делятся на части, которые представляют собой интонационно повторяющиеся, относительно замкнутые компоненты связной речи, т. е. синтагмы.

Как уже не раз отмечалось в научной литературе, большинство пословичных предложений состоит из двух синтагм. Главное назначение пословиц — давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. И, надо сказать, с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни, самые различные взаимосвязи между самыми разными явлениями действительности. Так, к примеру, они отражают отношения пространственные, временные, причинно-следственные («Где дым, там и огонь»). В пословицах дается диалектическая взаимосвязь формы и содержания («Молодец красив, да на душу крив»), начала и конца

(«Где не было начала, не будет и конца»), говорится о старом и новом, об отживающем и развивающемся («Старое стареется, а молодое растет») и т. д.

В пословицах глубоко раскрываются семейные взаимоотношения, взаимосвязь между человеком и обществом, между отдельными сословиями и классами. Вот лишь некоторые примеры таких пословиц:

«Свекор — гроза, а свекровь выест глаза»,

«Богатый бедному не брат»,

«Спина-то каша, а воля-то ваша»,

«Возьмешь лычко, а отдашь ремешок».

Итак, в пословицах находят отражение самые разнообразные взаимосвязи жизненных явлений, имеющие нередко глубокий философский смысл. При этом пословицы стремятся выразить их наиболее наглядно, как отношения между двумя конкретными предметами или явлениями. В большинстве пословиц совершенно отчетливо выступают два объекта суждения. Именно поэтому, на наш взгляд, двучленная форма в пословицах является самой естественной и самой употребительной.

Однако подобная форма обусловлена не только особенностями, так сказать, их двухобъектного содержания, но и спецификой их художественной формы. Стремясь к наиболее яркой выразительности, пословицы довольно часто прибегают к сопоставлению двух предметов или явлений (параллелизм, сравнение, отождествление, противопоставление), что также требует двучленной формы выражения. Вот примеры параллелизмов:

«После грозы ведро, после горя радость»,

«Без топора не плотник, без иглы не портной»;

Примеры сравнения:

«Красна девка в хороводе: что маков цвет в огороде»

«Наше счастье — вода в бредне».

Примеры тавтологии или синонимов:

«Истина хороша, да и правда не худа»;

«В одном кармане пусто, в другом нет ничего»;

Примеры антитезы:

«Сеяли рожь, а косили лебеду»;

«Ваши играют, а наши рыдают»;

«Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет».

И, наконец, следует отметить, что двучленность пословиц обусловлена также их стремлением к определенной интонационно-ритмической организации речи. Как показывают наблюдения, обе части пословицы, отделенные друг от друга паузой, нередко произносятся с аналогичной или близкой интонацией. И вот эта интонационная повторяемость частей создает здесь, конечно, определенную ритмичность. Например:

«День государев, а ночь наша»;

«В суд пойдешь — правды не найдешь»;

«На бога надейся, а сам не плошай».

Само собой разумеется, что эта ритмичность еще более повышается в многочленных пословицах, т. е. в пословицах, состоящих из трех, четырех и более частей. Вот примеры таких пословиц. Трехчленная: *«Земля любит навоз, лошадь — овес, а воевода — принос»;* четырехчленная: *«Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невестки мутливы».* Правда, не часто, но все же можно встретить пословицы пятичленные: *«В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки, — куда уйти?»*, а также шестичленные: *«Дьячок не служит, все по девушке тужит; пономарь не звонит, на нее глядит; поп не венчает, за сына чает».*

Многие двучленные и многочленные пословицы суть не что иное, как стихи-фразовики.

В раешном стихе ритмичность достигается тем, что в нем речь паузами и рифмами делится на стиховые строки, являющиеся аналогичными в интонационном отношении. Однако отдельные члены пословицы могут быть аналогичными не только по их интонации, но и по характеру имеющих в них ударений. Ритмичность в таком случае достигается не только повторением

аналогичных интонаций, но и одинаковым количеством ударений. Следовательно, перед нами типично тонический стих.

К сожалению, фольклористы не только основательно не исследовали, но даже не отмечали наличия в пословицах фразовиков и раешников, а также наличия тонического стиха, тогда как наблюдения показывают, что большинство их имеет именно тонический стих. Чаще всего встречаются пословицы, состоящие из одноударных тонических стихов. Каждый член этих пословиц имеет лишь одно ударение.

Одноударные стихи мы встречаем в пословицах двучленных: *«Кто в море не бывал, тот и горя не видал»*; в трехчленных: *«Мы и там служить будем на бар: они будут в котле кипеть, а мы станем дрова подкладывать»*; в четырехчленных: *«Один женился — свет увидал, другой женился — с головой пропал»*; в пятичленных: *«В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки, — куда уйти?»*; в шестичленных: *«Дерет коза лозу, а волк козу, а мужик волка, а поп мужика, а попа приказный, а приказного чёрт»*.

Одноударный тонический стих наиболее употребительный, но не единственный в пословицах. Нередко встречаются случаи, когда члены пословиц имеют не одно ударение, а два. Например: *«Горе в лохмотьях, беда нагишом»*; *«Горе -что море: не переплыть, не вылакать»*; *«Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит»*. Ударений в членах пословиц может быть и три: *«Лошадь с волком тягалась — хвост да грива остались»*; *«Лихо жить в нуже, а в горе и того хуже»*; и четыре: *«Не кидается девица на цветное платье, а кидается девица на ясного сокола»* и более.

В тонических пословицах наблюдается тенденция к уравниванию времени, необходимого на произнесение их отдельных частей (членов). В связи с этим хочется обратить внимание на следующее явление. В двучленных пословицах мы иногда наблюдаем выпадение из второй части подлежащего, сказуемого или других членов предложения, легко подразумеваемых из контекста речи. И весьма показательно, что в таких случаях утраченное слово, а вместе с ним и ударение компенсируются дополнительной паузой. Напри-

мер: *«Моль одежду ест, а печаль — (пауза) сердце»; «Злой плачет от зависти, добрый — (пауза) от радости»; «Видна печаль по ясным очам, кручина — (пауза) по белу лицу».*

В литературе справедливо отмечалось, что в большинстве двучленных и многочленных пословиц ударения стоят на словах, находящихся в конце их частей. После этих слов идут более или менее значительные паузы, которые еще более подчеркивают членение пословицы на части и таким образом усиливают ее ритмичность.

Однако следует отметить, что можно встретиться и с другим расположением ударений в пословицах, с иным их ритмическим рисунком. Нередко, например, в двучленных пословицах ударения падают на первое слово первой части и последнее слово второй части. И в таком случае мы имеем своеобразное «ритмическое кольцо». Например: *«Красна ягодка, да на вкус горька». «Беда и богатого мужика бездомит».* Такое расположение ударений придает пословице четкую ритмическую законченность и интонационно подчеркнуто выделяет ее из речевого потока.

Иногда по принципу «ритмического кольца» строится не вся пословица, а лишь отдельные части ее. И в таком случае довольно сильно подчеркивается деление пословицы на составляющие ее части. Например: *«Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин глаза щурит».* Все три части приведенной пословицы по расположению в них ударений являются симметричными: во всех частях ударения падают на первое и последнее слова.

Надо сказать, что симметричное расположение ударений в отдельных частях пословиц — явление нередкое. И в данном случае говорят об особом пословичном симметричном стихе. Вот некоторые примеры такого симметричного стиха:

Не будь складен, да будь ладен.

Бородка Минина, а совесть глиняна.

Сокол хоть на кол, да гол, что мосол.

Голосиста пташка, да черна рубашка.

Обнаруживаемый таким образом своеобразный стих, условно называется симметричным стихом. Он расширяет представления о многообразии стихотворных видов и форм пословиц. Силлабо-тонический стих в пословицах можно считать разновидностью или дальнейшим развитием так называемого симметричного стиха. Если в симметричном стихе по расположению ударных и безударных соизмеримы (повторяются) отдельные члены пословиц, то в силлабо-тоническом стихе на основе этих признаков соизмеряются группы слогов, т. е. повторяются определенные стопы. Поэтому неудивительно, что в пословицах можно встретить хорей: *«Много шуму — мало толку»*, *«Тише едешь, дальше будешь»*, ямб: *«Горячее едят подъячие, голодные едят холодное»*, *«Мели, Емеля, твоя неделя»*; дактиль: *«Жгуча крапива родится, да в щи пригодится»*; амфибрахий: *«У горькой беды нет сладкой еды»*; анапест: *«Без коня не казак»*.

Выдержанные силлабо-тонические размеры в пословицах встречаются не часто, но для нас важно подчеркнуть, что они все же наблюдаются и являются для пословиц совершенно закономерными, органически входят в их метрическую структуру. Правда, в пословицах часто обнаруживаются самые различные отклонения от схемы ударных и безударных того или иного силлабо-тонического размера. Так, например, в пословице *«Мужик пляшет, шапкой машет, приседает — меру знает; солдат выпьет на отвагу — скачет, пляшет до упаду»* следующие отклонения от хорейческого размера: недостает ударений на 1-м и 18-м слогах. Но подобные отклонения от ритмической схемы мы находим и почти во всех литературных силлабо-тонических стихах. Своеобразие стихотворной формы пословиц — не в отклонении от схем силлабо-тонических размеров, а в специфическом применении этих размеров. Как показывают наблюдения, в подлинно художественных пословицах различные отклонения от определенного стихотворного размера мотивированы соображениями содержания, продиктованы стремлением к наибольшей выразительности. Разъясним это на примере трехчастной послови-

цы «Брат братом, сват сватом, а денежки не родня». В этой пословице ритмом подчеркнута контрастность содержания ее частей. Первой и второй частям, говорящим о ладе в отношениях и построенным складно, как две симметричные части (//È + //È), противопоставляется и по своему содержанию и по прозаическому ритму (È/ÈÈÈÈ/) третья часть.

Пословицы употребляются в живой разговорной речи. И многие из них представляют собой образцы именно разговорной прозы. Что же касается стихотворных пословиц, то и они несут на себе печать прозаического контекста, в котором они употребляются. В пословицах мы находим все элементы стихотворной речи. Но их стихотворность как бы размывается под влиянием прозаического контекста. Поэтому одни пословицы имеют все признаки стихотворной речи, другие — только некоторые из этих признаков: соблюдается, например, размер, но нет в пословице рифмы, и наоборот, одна часть пословицы может быть организована стихотворно, а другая — прозаически. Рифма в пословицах может быть и может не быть. Все это создает условия, при которых пословицы совершенно органически используются в разговорной речи: и выделяются из нее, и в то же время не выглядят в ней каким-то инородным телом.

3.2. Стилеобразующая функция антонимов в пословицах и поговорках

«В пословице можно различать одежду внутреннюю и внешнюю; первая относится к риторике, вторая — до грамматики. Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословиц, но должна бы быть по ним вновь переверстана. Частое непонимание нами пословицы основано именно на незнании языка, тех простых, сильных и кратких оборотов речи, которые исподволь утрачиваются и вытесняются из письменного языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводов, с языками западными. Кто бы взялся рассмотреть пословицы и поговорки в этом отношении,

тот написал бы претолстую и преползную книгу», — мечтал великий собиратель русских пословиц В. Даль.

Интерес к пословице как феномену русской филологической культуры мы обнаруживаем у многих русских писателей XVIII-XIX вв. Разнообразные пословицы использует И.А. Крылов; А.С. Пушкин вносит пословицы в «Капитанскую дочку»; Н. Островский использует пословицы в качестве заголовков или постоянного сопровождения речи своих персонажей; у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского пословица — это целая историко-литературная проблема. От Достоевского до нас дошла запись пословиц, слышанных им на каторге, от Толстого — записная книжка 70-х гг., в которую он заносил свои записи народных оборотов и пословиц. Сборник пословиц Иллюстрова был настольной книгой Толстого. В записных книжках русских писателей XX века мы встречаем также не малое количество пословиц. Следует, однако, заметить, что языковая форма пословицы (крестьянской по преимуществу) созвучна далеко не каждому литературному направлению: романтики и символисты пословицами не пользовались. И обратно, именно в недрах «натуральной» школы началось и усиленное собирание и использование пословиц — Даль, Некрасов, Островский и др.

Несметные сокровища человеческой мысли и опыта тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове, в дошедших до нас с давних времен пословицах и поговорках. Это короткие, простые, но богатые по мысли изречения, создававшиеся русским народом ещё в дописьменный период. Народ, не умевший ни читать, ни писать, как бы создавал свою устную школу, в которой передавал от отцов к сыновьям, от дедов к внукам свои заветные правила жизни, учил детей «уму-разуму». В них всегда можно было найти практические рекомендации относительно того, как поступить в том или ином случае жизни, поскольку они охватывали все стороны национального бытия, отражая выработанные стихийным народным сознанием представления об истине, природе, Родине, труде, семье, нравственности, уме и глупости, добре и зле и т.д. Иными словами, пословицы и поговорки эксплицируют рус-

скую концептуальную картину мира, содержащую объективную информацию о национальной истории, общественно-политических формациях, быте, обычаях и традициях, религиозных и философских воззрениях, аксиологии и духовности. Важно подчеркнуть, что старинные пословицы и поговорки живут в русском языке и сегодня, широко употребляясь в устной и письменной речи. Они призваны украшать нашу речь, делая её живой и остроумной.

В ходе исследования мы произвели выборку пословиц, содержащих антонимы из сборника «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля.

Созданный филологом-энтузиастом, это сборник не только содержал огромный фактический материал, но и был построен на весьма передовых теоретических принципах (пословицы были упорядочены по тематическим категориям, а внутри каждой из них организованы в смысловые оппозиции; такой способ организации во многом предвосхищал будущие методы паремологии – науки о пословицах, загадках и поговорках).

Для нас очевидно, что подобный принцип расположения не является чем-то случайным. Он обусловлен, прежде всего, особенностями стихийного народного сознания, а именно характерным для него дуализмом. Дуалистический характер мировоззрения восточнославянского этноса воплощена у Даля в бинарных оппозициях типа «Родина - Чужбина», «Богатство - Убожество», «Тароватость - Скупость», «Правда - Кривда», а также трехчленных оппозициях «Добро – Милость - Зло», «Правда – Неправда - Ложь», «Смелость - Отвага – Трусость». Как видим, подавляющее большинство элементов, составляющих эти оппозиции носят ярко выраженный оценочный (аксиологический) характер.

В лингвистических исследованиях народная аксиология изучалась в самых разных аспектах (благодатный материал — пословицы [Арутюнова, 1985]). Отмечено, что основные семиотические оппозиции в славянской народной культуре ценностно окрашены [Толстой, 1987]. Так, оценочная категория плохой - хороший непосредственно связана с фундаментальными оппозициями левый - правый, западный - восточный, четный - нечетный, не

говоря уже об очевидной связи с парами смерть - жизнь, тьма - свет, холод - тепло, чужое - свое.

Следствием этого является чрезвычайно высокая частотность антонимов в пословицах и поговорках. Антонимия – столь заметное и значимое явление в языке русских пословиц и поговорок, что это дает нам основание рассматривать ее как стилеобразующий фактор для русских паремий в целом. Исходя из этого тезиса, рассмотрим стилистические функции антонимов в русских пословицах и поговорках.

По нашим наблюдениям, основной функцией антонимов в пословицах и поговорках является функция создания **антитезы** (гр. antithesis - противоположение) - стилистической фигуры контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний:

Умей сказать, умей и смолчать! (стр. 19)

Мертвый не без гроба, живой не без кельи (стр. 35)

Будет день, будет и ночь (стр. 35)

По структуре антитеза в пословицах может быть **простой** (одночленной). Ср. приведенные примеры, а также:

Говорили сегодня, говорить и завтра (стр. 22)

То и счастье, что иному ведро, иному ненастье (стр. 36)

Людям поволька, а бабину сыну неволька (стр. 41)

Журить, бранить есть кому, а жаловать некому (стр. 42)

Не менее часто встречаются **сложные (многочленные) антитезы**, включающие по несколько антонимических пар (обычно по две). Ср.:

Корот'ок язык, так вытянут, а длинен, так окоротают (стр. 19)

Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая! (стр. 33)

У счастливого умирает недруг, у бессчастливого друг (стр. 43)

Ино горько проглотишь, да сладко выплунешь (стр. 33)

Тесные сапоги разносятся, а узкие ссядутся (стр. 28)

Явление антонимии, лежащее в основе **оксюморона** (от гр. oxúmoron - остроумно-глупое), т.е. яркого стилистического приема образной речи, со-

стоящего в создании нового понятия соединением контрастных по значению слов, в пословицах встречается редко.

Счастье с бессчастьем - ведро с ненастьем (стр. 45)

Молодому учиться рано, старому поздно (стр. 25)

Случаи соединения слов, имеющих противоположное значение, соединяемых как определяемое и определяющее, т.е. как существительное и прилагательное (типа «Крупные мелочи», «Дорогая дешевизна», «Неудобные удобства»), в пословицах и поговорках не встречаются.

Использование антонимов в стилистической функции **«нанизывания противопоставлений»** - явление, достаточно редко встречающееся в языке русских паремий. Это связано, на наш взгляд, с тем, что большинство русских пословиц построено именно как двучленные, а не многочленные структуры (бинарные оппозиции). Ср.:

Ни с места, ни тпру, ни ну! (стр. 38)

За ученого (битого) двух неученых (небитых) дают, да и то не берут. (стр. 27)

Антифразис как особый стилистический прием, заключающийся в использовании одного из антонимов, в то время как по смыслу следовало бы употребить другой, для пословиц также практически нехарактерен. Это объяснимо самой спецификой фольклорной речи, в целом избегающей стилистических фигур иронии.

Как видим, характер употребления антонимов в пословицах и поговорках существенно отличается от их использования в литературной речи и в языке художественной литературы. Так, в них невозможны ошибки, нарушающие логику или правила сочетаемости слов (типа *При наличии отсутствия необходимых материалов*). Это объясняется тем, что пословицы и поговорки бытуют в устной форме и результате многократного повторения претерпевают различного рода изменения, что приводит, с одной стороны, к возникновению вариантов (например, *В Москве толсто (густо, часто) звонят, да тонко (жидко, редко) едят*), а с другой стороны, - к оптимизации

лексических средств и синтаксической структуры. Так, вероятно, оптимальными, с точки зрения норм русской речи и логики, выглядят выражения:

На чужой сторонушке рад своей воронушке (стр. 6),

Ученье – свет, неученье - тьма (стр. 27),

Добра не смыслишь, так худа не делай (стр. 33).

Так, для последнего примера неполноценной выглядит возможная с точки зрения языка замена на выражение: «Добра не понимаешь, так зла не совершай».

Следует также отметить ряд собственно языковых характеристик антонимов, входящих в пословицы и поговорки.

Среди них широко представлены антонимы **однокорневые**. Ср.:

Несчастлив в игре, так счастлив в любви (стр. 34),

Ученый водит, а неученый следом ходит (стр. 28),

Незнайка лежит, а знайка далеко бежит (стр. 32).

Однако большинство антонимов в составе русских паремий – именно разнокорневые:

Не узнав горя, не узнаешь и радости (стр. 33),

Хороший рассказчик - плохой приказчик (стр. 15),

Худое видели, хорошее увидим (стр. 34),

На кого подымет, а на меня опустит (стр. 41),

Слушай больше, а говори меньше (стр. 15).

Поскольку большинство слов-антонимов выражают качественную противоположность, они реализуют **контрарную** противоположность и обнаруживают градуальные (ступенчатые) оппозиции:

Молодому учиться рано, старому поздно (стр. 25),

Много говорено, да мало сказано (стр. 14),

Корень учения горек, да плод его сладок (стр. 26),

Сладко есть, да горько отрывается (стр. 34).

Антонимы, выражающие дополительность (**комплементарность**), встречаются в относительно немногих противопоставлениях, таких, как:

Говорили сегодня, говорить и завтра (стр. 22),

Мертвый не без гроба, а живому нет могилы (стр.35),

Умей сказать, умей и смолчать! (стр. 19),

Глядит вдоль, а живет поперек (стр. 38).

Наконец, подавляющее большинство противопоставленных по значению слов, входящих в состав русских пословиц и поговорок, может быть отнесено к числу **языковых антонимов**. Ср.:

Голым родился, гол и умру (стр. 38),

С чем пришел, с тем и ушел (стр. 41),

Где сухо, тут брюхом, а где мокро, на коленках. (стр. 30),

На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся! (стр. 23).

Однако достаточно широко представлены в паремиях и контекстуальные антонимы (квазиантонимы). Например:

Семеро одного не ждут (стр. 12),

Родимая сторона - мать, чужая – мачеха (стр. 7),

Москва - царство, а наша деревня - рай (стр. 7),

Не штука - промашка, штука – поправка (стр. 30),

Вам бог дал, а нам посулил (стр. 42).

Оппозиции «Семеро - один», «мать - мачеха», «царство - рай» и др. не могут быть признаны языковыми антонимами, поскольку их члены относятся к различным предметным областям. В этой связи обращают на себя внимание выражения типа «Кому: "Христос воскресе!", а нам: "Не рыдай мене, матери!"» (стр. 42). Противопоставления такого рода выходят за пределы собственно языка и связаны с особенностями русской концептуальной картины мира. «Христос воскресе» - радостное молитвенное славословие, исполняемое и воспринимаемое с очень положительными эмоциями. «Не рыдай мене, матери!» - молитвенный плач по распятому богу, вызывающий в русском сердце скорбь и страдания. Такие примеры обращают нас к анализу антонимов как выразителей **ключевых концептов фольклорной картины мира**.

Итак, основная стилистическая функция антонимов в пословицах и поговорках – функция создания антитезы. Однако это нисколько не противоречит тому, что антонимы в русской паримиологии выполняют стилеобразующую функцию. На это указывают их высокая частотность и то, что они несут на себе колоссальную смысловую нагрузку, номинируя ключевые концепты национального и общечеловеческого ментального кода.

3.3. Антонимы как ключевые слова фольклорной картины мира в пословице-антитезе

Достаточно давно установлено, что язык фольклора представляет собой наддиалектное образование благодаря наличию в нем элементов, нарушающих пределы их диалектной принадлежности и, одновременно с этим, отличающих его от кодифицированного литературного языка [Богатырев, 1973, с. 106]. В соответствии с этим: «Фольклорная картина мира (ФКМ) как ментальный феномен существенно отличается от семантической системы местного говора, обслуживающего потребности повседневной диалектной коммуникации... Тем самым система местного говора оказывается несамодостаточной в плане воссоздания концептосферы ФКМ. Недостаток восполняется свойственным фольклорной семантике набором традиционных типизированных культурных смыслов, репрезентирующих специфические стороны ФКМ (например, фитонимических и зоонимических символов: *береза* - девушка, *сокол* - молодец). Для фольклорно-языковой сферы характерно наличие компонентов со специфическими, прежде всего, эстетическими функциями и производными от этих функций особыми значимостями, синтагматическими

и парадигматическими отношениями, своеобразной структурной организацией [Артеменко, 2001, с. 248].

Наш тезис состоит в том, что антонимия играет заметную роль не только в репрезентации этих традиционных символов, но и в их формировании, поскольку в пословицах и поговорках они как таковые во многих случаях реализуются, лишь находясь в отношениях оппозиции, т.е. отношениях антонимии. Важно при этом подчеркнуть, что подобные оппозиции реализуются не только как пары собственно языковых антонимов, но и как антонимы контекстуальные.

Как показывает произведенный нами анализ, особую группу антонимов, формирующих антитезу, составляют слова, в которых доминирующим является символический компонент значения, слова, высокочастотные в языке фольклора и отражающие ключевые понятия фольклорной картины мира. Рассмотрим несколько пословиц, в которых в качестве эталона-оценки использованы оппозиции *свет - тьма*, *мать - мачеха*, *калина - малина*, *лебе-душка - полынь*, *мед - лед*, *вода - беда*. Хорошо известно, что понимание любого фольклорного текста предполагает знание не только русского языка, но и фольклорной картины мира, складывающейся из элементов трех уровней: досимвольного, слоя символов и наиболее глубинного среза - семиотических оппозиций. Безусловно, сказанное справедливо и в отношении пословиц. Если иметь в виду языковую характеристику анализируемых пар, то среди них лишь одна представляет собой антонимы (*свет- тьма*), члены двух других оппозиций соотносятся с языковыми антонимами по своим дифференциальным денотативным семам: *мать - мачеха* (родная - неродная), *калина - малина* (горькая - сладкая). Системным отношениям всех других оппозиций семантическая противоположность не свойственна. Однако во всех трех случаях адекватная интерпретация пословиц возможна только в контексте фольклорной картины мира, с учетом семантических особенностей фольклорного слова.

Рассмотрим пару *свет - тьма*. В отличие от поговорки *Ученье - свет, а неученье - тьма* в паремии *Работа есть - свет, а работы нет - тьма* предикаты *свет* и *тьма* теряют свою номинативную определенность. А.Т. Хроленко отмечал, что оценочная компонента в семантической структуре фольклорного слова "часто преобладает и даже нейтрализует номинативную, как в словах *свет*, *душа*, *сердце* и т.п. Здесь слово превращается в своеобразный артикль сверхположительной оценки" [Хроленко 1979: 153].

Своеобразными артиклями сверхположительной и сверхотрицательной оценок стали в устном народном творчестве слова *мать* и *мачеха*. Показательно место слова *мачеха* в иерархии оценок, где оно приближается к эталону сверхзлости: *Счастье - мать, счастье - мачеха, счастье - бешеный волк*. Столь же красноречиво осознание того, что *Не всякая мачеха - крапива; не всякая падчерица - маков цвет*, ибо исключение только подчеркивает правило, указывает на общепризнанную норму. В качестве оценочных предикатов лексемы *мать* и *мачеха* применяются для выражения ценностно-значимого отношения к самым различным предметам и сторонам бытия: *Москва кому - мать, кому - мачеха; Иному счастье (или: служба) мать, иному мачеха; Родина смелому - мать, а трусу - мачеха; Пахарю земля - мать, а лентяю - мачеха; Достаток - мать, убожество - мачеха; Родимая сторона - мать, чужая - мачеха*. В столь широкой отнесенности данных лексем в качестве ценностного квалификатора понятий, выраженных конкретной и абстрактной лексикой, по-видимому, проявляется тенденция лексем *мать* и *мачеха* к тому, чтобы стать выразителями универсальных оценок, хотя, конечно, их валентность на смысловое развертывание не столь сильна, как у общеоценочных предикатов *хороший*, *плохой*, и ограничена денотативными и фоновыми компонентами значений (родная - неродная, добрая - злая, щедрая - скупая, приносящая удачу - несчастье).

Отметим также, что противопоставление *мать - мачеха* манифестирует древнейшую оппозицию мифопоэтической модели мира "свой - чужой". Следовательно, в изречении *Родимая сторона - мать, чужая - мачеха* тема

"свой (Родина) - чужой (чужая сторона)" описывается посредством другого варианта того же самого семиотического инварианта. Таким образом, здесь своеобразная "тавтология", когда свое оценивается через другое свое, а чужое - через другое чужое, т.е. положительное описывается через положительное, отрицательное - через отрицательное. Следуя той же логике, можно предположить, что в русской картине мира смелый и пахарь - положительно оцениваемые "свои", а трус и лентяй - отрицательно оцениваемые "чужие".

Традиционными антиподами в русском фольклоре являются калина - символ обманчивой красоты, горькой доли, неволи, и малина - символ сладкой привольной жизни. С этой "калиново-малиновой" символикой тесно связана образная характеристика в пословице Чужбина - калина, Родина - малина, которая, конечно же, глубже противопоставления "горькая - сладкая жизнь". Фольклорно-обрядовая символика калины и малины тесно связана с представлениями русских о счастье и несчастье. Так, В.И. Даль в своем словаре определил фразу Да это просто малина! как "раздолье, приволье". Прав В.М. Мокиенко, когда пишет, что выражение Не жизнь, а малина! лишь на первый взгляд прямой двойник итальянского *dolce vita* "сладкая жизнь", на самом же деле "в отличие от "калиновой" горькой неволи у свекра и свекрови "малиновая" жизнь - это прежде всего приволье и широкий размах, о котором мечтают искони русские "добры молодцы". Конечно, "не жизнь, а малина" - это и обильная, вкусная еда, и удобное жилище, и прочие материальные блага. Но без такого простора, без приволья, без воли - это уже не "малиновая жизнь", а постылая "dolce vita", которая часто оборачивается рабством духа и бессилием плоти" [Мокиенко 1986: 251]. Таким образом, Родина-малина - это воля, свобода, широкое и открытое пространство без конца и края, что соответствует представлениям русских о хорошей, настоящей жизни, а чужбина-калина - обманчиво красивая жизнь, оборачивающаяся горькой неволей.

В разряд коннотативных антонимов можно отнести оппозицию лебедушка - полынь в пословице Чужая жена - лебедушка, а своя - полынь горькая. Денотативные семы членов данной пары не являются соотносительно

противоположными: 'красивая' - 'горькая'. Но контрастирование семантически производных слов *лебедь* - *полынь* не является семантической аномалией. Согласно традиционной народной символике, лебедь - символ не только молодой пригожей женщины, но и красоты, всего светлого, противостоящего темному (Ср.: белая лебедь - "девушка" как антипод серой гусыни - "замужней женщины" и ворона - "символа темного" [Потебня, 1989: 310]), а полынь, как и другие горькие растения, - символ горя, печали [Потебня 1989: 297]. Применительно к языку фольклора можно сказать, что слова *лебедь* и *полынь* - знаки сверхположительной и сверхотрицательной оценок, приложимых не только к женщине, но и мужчине, а также к объектам окружающего мира. О доминировании оценочных сем в значениях членов данной пары свидетельствуют морфологический и синтагматический показатели: уменьшительно-ласкательный суффикс -ушк- и "тавтологичное" сочетание *полынь горькая* (т.е. горечь горькая). Заметим также, что данная пословица прошла многовековую шлифовку в народных песнях, в которых неоднократно повторен мотив *лебедь - полынь*: Как чужая-то жена лебедь белая моя; / А своя-то жена - полынь горькая трава. По поводу своеобразия данной оппозиции В.И.Еремина писала: "Лебедь белая - хорошая, красивая; полынь горькая - плохая, неприятная; т.е. перед нами типичный случай метафорической перифразы, когда она покоится не на сопоставлении, а на образном замещении характеризующего признака" [Еремина, 1978: 40].

Другой пример коннотативной антонимии дает пословица На языке мед, а под языком лед, или На язычке медок, а на сердце ледок. Рифма мед - лед - одна из традиционных: Я на лед послов пошлю, а на мед сам пойду; Есть медок, да засечен в ледок; Фашист думал на Десне мед, а его спустили под лед, и объяснение ее "права на существование" лишь требованиями эвфонии далеко не достаточно. Так, мед издавна был символом красноречия, синонимами слова *мед* были: сладость, красота, блаженство, мудрость, красноречие, наслаждение и удовлетворение, богатство, т.е. слова с положительной оценочной коннотацией. Символика широко отразилась в языке: медоре-

чивый, медоязычный, сладкоглагольный, сладоречивый, сладкие и медоточные слова. Ассоциации символического и вербально-семантического планов лежат в основе семантического образования слова мед 'сладкий' (со сверхположительной оценкой). Напротив, слова лед, мороз, холод - своеобразные "артикли" свехотрицательной оценки, генетически восходящие к символу холод - печаль, забота, жестокость. Так, в лирических песнях жесткая мать соотносится со снегом, свекор - с морозом и т.д. [Потебня 1989: 305].

Таким образом, противопоставление мед - лед, медок - холодок: Любил медок, люби и холодок - семантически закономерно, ибо выражает коннотативную антонимию. Данная оппозиция - пример выразительного семантико-стилистического средства создания антитезы, формирования смысла пословиц о лицемерии, другими вариантами которой являются паремии Уста медоточивые, а сердце смолой кипит; Медовый язык, да каменное сердце, также основанные на коннотативной антонимии (медоточивый - смолой кипит, медовый - каменный).

Нетрадиционно осмысливается древняя фольклорная формула вода - беда в пословице Виноватого кровь вода, а невинного беда. Как отмечают исследователи русского провербиального пространства, рифмопара вода - беда является одним из вариантов смыслового инварианта-мотива, вытекающего из связи в мифологии славян воды с отрицательным началом: Жди горя с моря, беды от воды; Беда за бедой, как волна за волной; Кто в кручине, тот что корабль в пучине; Река - не море, тоска - не горе и т.д. Однако в составе антитезы рифма семантизируется иначе: словообразовательные антонимы виноватый - невинный указывают на противоположность значений лексем вода и беда и прежде всего на их аксиологическую противопоставленность (нейтральная оценка у воды и отрицательная - у беды). Сопряжение же кровь - вода также уходит корнями в далекое прошлое и заимствовано, вероятно, из текста Псалма 78,3: "пролияша кровь ихъ яко воду". Итак, слово вода, занимая в синтагме конечное положение, притягивает традиционную рифму беда,

но релевантной является не стандартная взаимосвязь воды с трудными испытаниями, опасностями, а контекстуальная противоположность, на которую указывают использованные в качестве темы антитезы словообразовательные антонимы.

3.4. Выводы по третьей главе

Пословица - это краткое устойчивое, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, обобщающее различные явления жизни и фиксирующее многовековой опыт народа. Обладает буквальным и переносным смыслом (*Близок локоток, да не укусишь*) или только переносным (*В поле и жук мясо*). Имеет форму законченного предложения. Поговорка - краткое изречение, обычно образное, рифмованное, с назидательным смыслом. Имеет только буквальный план (*Насильно мил не будешь*), в грамматическом отношении представляет собой законченное предложение. Иногда поговорку понимают как образный оборот, не составляющий цельного высказывания (ни к селу ни к городу, бить баклуши и т. п.), однако при таком подходе поговорка по существу отождествляется с фразеологизмом.

Художественная природа пословицы определяет в значительной мере ее прочность, ходкость, запоминаемость. Лаконизм, краткость, удобопроизносимость пословицы как единого целого в размере единого высказывания — вот что определяет синтаксическую сторону пословицы.

Большинство пословичных предложений состоит из двух синтагм. Главное назначение пословиц — давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. Их тематика поистине безгранична, они охватывают решительно все стороны жизни, самые различные взаимосвязи между самыми разными явлениями действительности.

Многие двучленные и многочленные пословицы суть не что иное, как стихи-фразовики. В то же время, пословицы употребляются в живой разговорной речи, и многие из них представляют собой образцы именно разговорной прозы. Что же касается стихотворных пословиц, то и они несут на себе печать прозаического контекста, в котором они употребляются. В пословицах мы находим все элементы стихотворной речи. Но их стихотворность как бы размывается под влиянием прозаического контекста.

В сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля пословицы упорядочены по тематическим категориям, внутри каждой из которых они организованы в смысловые оппозиции типа «Родина - Чужбина». Такой принцип расположения не является чем-то случайным. Он обусловлен, прежде всего, особенностями стихийного народного сознания, а именно характерным для него дуализмом. Дуалистический характер мировоззрения восточнославянского этноса воплощен у Даля в бинарных оппозициях типа «Богатство - Убожество», «Гароватость - Скупость», «Правда - Кривда», а также трехчленных оппозициях «Добро – Милость - Зло», «Правда – Неправда - Ложь», «Смелость - Отвага – Трусость» и т.п.

По нашим наблюдениям, основной функцией антонимов в пословицах и поговорках является функция создания **антитезы**. По структуре антитеза в пословицах может быть **простой** (одночленной), например: «*Говорили сегодня, говорит и завтра*», - и **сложной (многочленной)** «*Корот'ок язык, так вытянут, а длинен, так окоротают*».

Явление антонимии, лежащее в основе **оксюморона**, в пословицах встречается редко: «*Счастье с бессчастьем - ведро с ненастьем*».

Использование антонимов в стилистической функции «**нанизывания противопоставлений**» - явление, достаточно редко встречающееся в языке русских паремий. Это связано с тем, что большинство русских пословиц построено именно как двучленные, а не многочленные структуры (бинарные оппозиции). Ср.: «*Ни с места, ни тпру, ни ну!*».

Антифразис как особый стилистический прием, заключающийся в использовании одного из антонимов, в то время как по смыслу следовало бы употребить другой, для пословиц также практически нехарактерен. Это объяснимо самой спецификой фольклорной речи, в целом избегающей стилистических фигур иронии.

По структуре и семантическим отношениям антонимы, входящие в пословицы и поговорки характеризуются многообразием.

Антонимия играет заметную роль не только в репрезентации этих традиционных символов, но и в их формировании, поскольку в пословицах и поговорках они как таковые во многих случаях реализуются, лишь находясь в отношениях оппозиции, т.е. отношениях антонимии. Важно, что подобные оппозиции реализуются не только как пары собственно языковых антонимов, но и как антонимы контекстуальные.

Как показывает произведенный нами анализ, особую группу антонимов, формирующих антитезу, составляют слова, в которых доминирующим является символический компонент значения, слова, высокочастотные в языке фольклора и отражающие ключевые понятия фольклорной картины мира. В качестве эталона-оценки пословицах могут быть использованы оппозиции *свет - тьма, мать - мачеха, калина - малина, лебедушка - полынь, мед - лед, вода - беда.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам нашего исследования мы приходим к следующему заключению.

Антонимия представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий, один из важнейших показателей системности лексики различных языков, в том числе русского языка. По типу выражаемых понятий антонимы характеризуются большим разнообразием и имеют ряд разновидностей, в том числе: комплиментарные корреляты – такие противоположности, которые взаимно дополняют друг друга до целого, без переходных звеньев; они находятся в отношении привативной оппозиции (*плохой – хороший, ложь – истина, живой – мёртвый*); контрарные корреляты – антонимы, выражающие полярные противоположности внутри одной сущности при наличии переходных звеньев - внутренней градации; они находятся в отношении градуальной оппозиции (*чёрный (- серый -) белый, старый (- пожилой - средних лет -) молодой, большой (- средний -) маленький*). Существуют также: векторные корреляты – антонимы, выражающие разную направленность действий, признаков, общественных явлений и т.д. (*войти - выйти, спуститься - подняться, зажечь - потушить, атака – контратака*); конверсивы - слова, описывающие одну и ту же ситуацию с точки зрения разных участников (*купить - продать, муж - жена, преподавать - учиться, проиграть - выиграть, потерять – найти* и др.).

По структуре антонимы бывают: разнокорневые (*вперёд - назад*) и однокорневые – образуются с помощью приставок, противоположных по смыслу: *входить – выходить*, либо с помощью приставки, прибавляемой к исходному слову (*монопольный – антимонопольный*). С точки зрения языка и речи антонимы разделяют на следующие типы: языковые (узусальные) – антонимы, существующие в системе языка (*богатый - бедный*); контекстуаль-

ные (оказиональные антонимы, «квазиантонимы») – антонимы, возникающие в определённом контексте. Они часто встречаются в пословицах.

В художественной речи антонимы являются важнейшим средством создания целого ряда стилистических фигур, в том числе: **антитезы** (стилистической фигуры контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний); фигуры «нанизывания противопоставлений», состоящей в отрицании контрастных признаков у предмета); **оксюморона** (фигуры соединении контрастных лексических единиц с целью изображения нового, необычного понятия). Весьма специфично явление **энантиосемии**, под которым лингвистике принято понимать способность значимых единиц языка вмещать в своей семантической структуре противоположные значения: *одолжить* «дать в долг» – *одолжить* «взять в долг». По установившейся традиции энантиосемия рассматривается в тесной связи с такими понятиями стилистики и теоретической поэтики, как ирония, антифразис, астеизм и др.

Антонимы – весьма заметное и значимое явление в языке русских пословиц и поговорок. Пословица – это краткое устойчивое, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, обобщающее различные явления жизни и фиксирующее многовековой опыт народа. Обладает буквальным и переносным смыслом (*Близок локоток, да не укусишь*) или только переносным (*В поле и жук мясо*). Имеет форму законченного предложения. Поговорка – краткое изречение, обычно образное, рифмованное, с назидательным смыслом. Имеет только буквальный план (*Насильно мил не будешь*), в грамматическом отношении может представлять собой законченное предложение, но чаще равна по своей синтаксической структуре словосочетанию (*ни к селу ни к городу*). Художественная природа пословицы определяет в значительной мере ее прочность, ходкость, запоминаемость. Лаконизм, краткость, удобопроизносимость пословицы как единого целого в размере единого высказывания определяют собой синтаксическую сторону пословицы. Большинство пословичных предложений состоит из двух синтагм. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных

явлений действительности, выражая тем самым народное мировоззрение, т.е. репрезентируя русскую концептуальную картину мира. Их тематика поистине безгранична, они охватывают решительно все стороны жизни, самые различные взаимосвязи между самыми разными явлениями действительности. Многие двучленные и многочленные пословицы суть не что иное, как стихи-фразовики. В то же время, пословицы употребляются в живой разговорной речи, и многие из них представляют собой образцы разговорной прозы.

В сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля пословицы упорядочены по тематическим категориям, внутри каждой из которых они организованы в смысловые оппозиции. Такой принцип расположения обусловлен, прежде всего, особенностями стихийного народного сознания, а именно характерным для него дуализмом. Дуалистический характер мировоззрения восточнославянского этноса воплощен у Даля в бинарных оппозициях типа «Богатство - Убожество», «Тароватость - Скупость», «Правда - Кривда», а также трехчленных оппозициях «Добро – Милость - Зло», «Правда – Неправда - Ложь», Смелость - Отвага – Трусость» и т.п.

По нашим наблюдениям, основной функцией антонимов в пословицах и поговорках является функция создания **антитезы**. По структуре антитеза в пословицах может быть **простой** (одночленной), например: «*Говорили сегодня, говорит и завтра*», - и **сложной (многочленной)** «*Корот'ок язык, так вытянут, а длинен, так окоротают*». Из 200 обнаруженных нами антонимических пар антитезу выражает 191 пара (см. Приложение).

Явление антонимии, лежащее в основе **оксюморона**, в пословицах встречается редко: «*Счастье с бессчастьем - вёдро с ненастьем*». Всего нами обнаружено 2 случая (См. Приложение).

Использование антонимов в стилистической функции «**нанизывания противопоставлений**» - явление, также достаточно редко встречающееся в языке русских паремий. Это связано с тем, что большинство русских пословиц построено именно как двучленные, а не многочленные структуры (би-

нарные оппозиции). Ср.: «*Ни с места, ни тпру, ни ну!*». Из 200 случаев к этой категории относится 7. (См. Приложение).

Энантисемия (антифразис, астеизм) для пословиц практически нехарактерна, что объясняется самой спецификой фольклорной речи, в целом избегающей стилистических фигур иронии.

Высокая степень употребительности антонимов в пословицах и поговорках позволяет утверждать, что антонимы в языке русских паремий выполняют стилеобразующую функцию.

По структуре и семантическим отношениям антонимы, входящие в пословицы и поговорки характеризуются многообразием. В ходе анализа нами было установлено следующее количественное соотношение: однокорневые антонимы – 34 случая (*У счастливого умирает недруг, у несчастного друг*); разнокорневые – 166 случаев (*Кто ныне мал – завтра велик, а ныне велик – завтра мал*); контрарные – 144 случая (*Деньги идут к богатому, а злыдни к убогому*); комплиментарные – 56 случаев (*Либо полковник, либо покойник*).

В ходе анализа лингвокогнитивных особенностей антонимов в пословицах и поговорках было определено, что антонимия играет заметную роль не только в репрезентации традиционных фольклорных символов, но и в их формировании, поскольку многие из них реализуются как таковые, лишь в контексте пословиц и образуя оппозицию. Ср.: *Родимая сторона - мать, чужая – мачеха; Карась сорвется, щука будет*. Важно, что подобные оппозиции реализуются не только как пары собственно языковых антонимов, но и как антонимы контекстуальные.

По нашим наблюдениям, особую группу антонимов, формирующих антитезу, составляют слова, в которых доминирующим является символический компонент значения, слова, высокочастотные в языке фольклора и отражающие ключевые понятия фольклорной картины мира. В качестве эталона-оценки в пословицах могут быть использованы оппозиции *свет - тьма, мать - мачеха, калина - малина, полынь – мед - лед, вода – беда, Родина-малина – чужбина-калина* и др.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут найти применение при составлении курсов лекций, учебно-методических разработок практических и лабораторных занятий по лексикологии современного русского языка, стилистике и культуре речи. Результаты опыта лингвокогнитивного анализа антонимов в русских пословицах и поговорках могут найти применение при чтении курса фольклористики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. – Ташкент, 2009.
2. Каримов И.А. Модернизация страны и построение сильного гражданского общества – наш главный приоритет: Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан // Народное слово. – Ташкент, 2010. – № 4.
3. Артеменко Е.Б. Язык русского фольклора: опыт интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2001.
4. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1985. – № 3.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: СЭ, 1966.
6. Богатырев П.Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1973. – № 5.
7. Бондалетов В.Д. и др. Стилистика русского языка. – Л., 1989.
8. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону, 1982.
9. Грибоедов А.С. Сочинения. Воспоминания современников. / Сост. А.Л. Гришунин. – М.: Правда, 1989.
10. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. – Л., 1978.
11. Киреев А. А. Об антонимах // Русский язык в школе. – М., 1954. – № 3.
12. Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. – Тбилиси, 1972.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: СЭ, 1990.
14. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А.Новикова. – 2-е изд. – М., 1984.
15. Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1980;
16. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л., 1986.

- 17.Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М., 1973.
- 18.Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана. – М.: Правда, 1987.
- 19.Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.
- 20.Розенталь Д.Е., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985.
- 21.Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Худож. лит., 1988.
- 22.Сергеев В.Н.Словари – наши друзья и помощники. – М.: Просвещение, 1984.
- 23.Тихонов А.Н., Ким Л.Л., Тихонов С.А. Современный русский язык. Лексикология. – Ташкент: Укитувчи, 1991.
- 24.Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый—левый, мужской – женский // Языки, культура и проблемы переводимости. – М., 1987.
- 25.Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: высшая школа, 1990.
- 26.Хроленко Б. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: Материалы и исследования.- М.; Л., 1979. - Т.19.
- 27.Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Культура речи, 1972.
- 28.Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

№	пословица / поговорка	языковые / контекстуальные антонимы	структурный тип	семантические отношения	стилистическая функция
1	2	3	4	5	6
1	На чужой стороншке рад своей воронушке (стр. 6)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	антитеза
2	Жернова говорят: в Киеве лучше, а ступа говорит: что тут , что там (стр. 6)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	нанизывание противопост.
3	Чужой человек не на утеху , на просмех (стр. 6)	контекстуальные	однокорневые	контрарные	антитеза
4	Родимая сторона - мать, чужая – мачеха (стр. 7)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	антитеза
5	Родимая сторона - мать , чужая – мачеха (стр. 7)	контекстуальные	однокорневые	комплиментарные	антитеза
6	Своя сторона по шерстке гладит, чужая насупротив. (стр. 7)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	антитеза
7	Город - царство, а деревня - рай. (стр. 7)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза
8	Москва - царство, а наша деревня - рай (стр. 7)	контекстуальные	разнокорневые	контрарные	антитеза
9	Полетели з\а море гуси , прилетели тож не лебеди (прилетели ничем не хуже) (стр. 8)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза
10	В Москве толсто (густо, часто) звонят, да тонко (жидко, редко) едят (по дороговизне для крестьян). (стр. 10)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза
11	Москва - кому мать , кому мачеха (стр. 11)	контекстуальные	однокорневые	комплиментарные	антитеза
12	Семеро одного не ждут (стр. 12)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза
13	Вперед не забегай , а от своих не отставай! (стр. 13)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза
14	Сошелся мир - хоть сейчас воевать; разошелся мир - на полатах лежать (стр. 14)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	антитеза
15	Язык один, и в будни и в праздник (стр. 14)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	нанизывание противопост.
16	Петь хорошо вместе , а говорить порознь (стр. 14)	языковые	разнокорневые	комплиментарные	антитеза
17	Много говорено, да мало сказано (стр. 14)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза
18	Поменьше говори, побольше услышишь (стр. 14)	языковые	разнокорневые	контрарные	антитеза

1	2	3	4	
19	Слушай больше , а говори меньше (стр. 15)	языковые	разнокорневые	кон
20	Меньше говори, да больше делай! (стр. 15)	языковые	разнокорневые	ком
21	Хороший рассказчик - плохой приказчик (стр. 15)	языковые	разнокорневые	кон
22	Говорит направо , а глядит налево (стр. 18)	языковые	разнокорневые	кон
23	Говорить беда, а молчать другая (стр. 19)	языковые	разнокорневые	ком
24	Корот'ок язык, так вытянут, а длинен , так окоро-тают (стр. 19)	языковые	разнокорневые	кон
25	Корот'ок язык, так вытянут , а длинен , так окоро-тают (стр. 19)	языковые	разнокорневые	ком
26	Сказать - смешно, утаить - грешно. (стр. 19)	языковые	разнокорневые	ком
27	Умей сказать , умей и смолчать! (стр. 19)	языковые	разнокорневые	ком
28	Говорили сегодня , говорить и завтра (стр. 22)	языковые	разнокорневые	ком
29	Есть, словко - как мед сладко; а нет, словко - как полынь горько.(стр. 22)	контекстуальные	разнокорневые	кон
30	Есть, словко - как мед сладко ; а нет, словко - как полынь горько .(стр. 22)	языковые	разнокорневые	кон
31	На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавай-ся! (стр. 23)	языковые	разнокорневые	кон
32	Немного читай, да много (да побольше) разумеи! (стр. 24)	языковые	однокорневые	кон
33	Кто хочет много знать, тому надо мало спать (стр. 25)	языковые	разнокорневые	кон
34	Молодому учиться рано, старому поздно (стр. 25)	языковые	разнокорневые	кон
35	Молодому учиться рано , старому поздно (стр. 25)	языковые	разнокорневые	кон
36	Корень учения горек , да плод его сладок (стр. 26)	языковые	разнокорневые	кон
37	От умного научишься, от глупого разучишься (стр. 26)	языковые	разнокорневые	кон
38	От умного научишься , от глупого разучишься (стр. 26)	языковые	однокорневые	ком
39	Ученье - красота, неученье - простота (стр.27)	языковые	однокорневые	ком

1	2	3	4	
40	Ученье – свет, неученье - тьма (стр. 27)	языковые	однокорневые	ком
41	Ученье – свет , неученье - тьма (стр. 27)	языковые	разнокорневые	ком
42	За ученого (битого) двух неученых (небитых) дают, да и то не берут. (стр. 27)	языковые	однокорневые	ком
43	Учись доброму , худое на ум не пойдет (стр. 27)	языковые	разнокорневые	кон
44	Учись доброму , а худое и самое придет (стр. 27)	языковые	разнокорневые	кон
45	Ученый водит, а неученый следом ходит (стр. 28)	языковые	однокорневые	ком
46	Тесные сапоги разносятся, а узкие ссядутся (стр. 28)	языковые	разнокорневые	кон
47	Тесные сапоги разносятся , а узкие ссядутся (стр. 28)	контекстуальные	разнокорневые	кон
48	Где сухо , тут брюхом, а где мокро , на коленках. (стр. 30)	языковые	разнокорневые	кон
49	Не штука - промашка , штука – поправка (стр. 30)	контекстуальные	разнокорневые	кон
50	Нырять он умеет, только выныривать не умеет (стр. 32)	языковые	однокорневые	ком
51	Незнайка лежит, а знайка далеко бежит (стр. 32)	языковые	однокорневые	ком
52	Богатые -те деньги учат, а бедные -те книги мучат (стр. 33)	языковые	разнокорневые	кон
53	Добра не смыслишь, так худа не делай (стр. 33)	языковые	разнокорневые	кон
54	Отвяжись , худая жизнь, привяжись , хорошая! (стр. 33)	языковые	однокорневые	кон
55	Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая! (стр. 33)	языковые	разнокорневые	кон
56	Не узнав горя , не узнаешь и радости (стр. 33)	языковые	разнокорневые	кон
57	Ино горько проглотишь, да сладко выплюнешь (стр. 33)	языковые	разнокорневые	кон
58	Ино горько проглотишь , да сладко выплюнешь (стр. 33)	контекстуальные	разнокорневые	ком
59	Сладко есть, да горько отрыгается (стр. 34)	языковые	разнокорневые	кон

1	2	3	4	
60	Худое видели, хорошее увидим (стр. 34)	языковые	разнокорневые	кон
61	(стр. 34)	языковые	разнокорневые	кон
62	Отколе гроза , оттоле и вёдро (стр. 34)	контекстуальные	разнокорневые	ком
63	Несчастлив в игре, так счастлив в любви (стр. 34)	языковые	однокорневые	ком
64	Будет день , будет и ночь (стр. 35)	языковые	разнокорневые	ком
65	Мертвый не без гроба, а живому нет могилы (стр.35)	языковые	разнокорневые	ком
66	Мертвый не без гроба, живой не без кельи (стр. 35)	языковые	разнокорневые	ком
67	Худое охапками, доброе щепотью (стр. 35)	языковые	разнокорневые	кон
68	Худое охапками , доброе щепотью (стр. 35)	контекстуальные	разнокорневые	кон
69	Худое валит пудами, хорошее каплет золотниками (стр. 35)	языковые	разнокорневые	кон
70	Худое валит пудами , хорошее каплет золотниками (стр. 35)	контекстуальные	разнокорневые	кон
71	Худое валит пудами, хорошее каплет золотниками (стр. 35)	языковые	разнокорневые	кон
72	Карась сорвется, щука будет (стр. 35)	контекстуальные	разнокорневые	ком
73	Надейся добра , а жди худа (стр. 35)	языковые	разнокорневые	кон
74	То и счастье, что иному вёдро , иному ненастье (стр. 36)	языковые	разнокорневые	ком
75	Ловит волк роковую овцу (стр. 36)	контекстуальные	разнокорневые	ком
76	Не живи, как хочется , а живи, как можетя! (стр. 38)	контекстуальные	разнокорневые	кон
77	Голым родился , гол и умру (стр. 38)	языковые	разнокорневые	ком
78	Ни с места, ни тпру , ни ну! (стр. 38)	языковые	разнокорневые	ком
79	Глядит вдоль , а живет поперек (стр. 38)	языковые	разнокорневые	ком
80	Не наше счастье, чтоб найти , а наше, чтоб потерять . (стр. 39)	языковые	разнокорневые	ком
81	Счастье на крылах, несчастье на костылях (стр. 39)	языковые	однокорневые	кон

1	2	3	4	
82	Беды кульем валятся, а счастье золотниками (стр. 39)	контекстуальные	разнокорневые	конг
83	Недоля пудами, доля золотниками (стр. 39)	языковые	однокорневые	конг
84	Недоля пудами , доля золотниками (стр. 39)	контекстуальные	разнокорневые	конг
85	С чем пришел , с тем и ушел (стр. 41)	языковые	однокорневые	ком
86	С чем приехал (подъехал), с тем и поехал (отъехал) (стр. 41)	языковые	однокорневые	конг
87	Ехал к вам , да заехал к нам (стр. 41)	языковые	разнокорневые	ком
88	Людям поволька , а бабину сыну неволька (стр. 41)	контекстуальные	однокорневые	конг
89	На кого подымет , а на меня опустит (стр. 41)	языковые	разнокорневые	конг
90	Добрые молодцы не женятся , красны девицы замуж нейдут (стр. 42)	языковые	разнокорневые	ком
91	Журить , бранить есть кому, а жаловать некому (стр. 42)	языковые	разнокорневые	конг
92	Вам бог дал, а нам посулил (стр. 42)	языковые	разнокорневые	ком
93	Кому: " Христос воскрес! ", а нам: " Не рыдай мене, мати! " (стр. 42)	контекстуальные	разнокорневые	конг
94	Кто идет пировать , а мы горевать . (стр. 42)	контекстуальные	разнокорневые	конг
95	Люди пировать , а мы горевать (стр. 42)	контекстуальные	разнокорневые	конг
96	Ваши играют, а наши рыдают (стр. 42)	языковые	разнокорневые	ком
97	Ваши играют , а наши рыдают (стр. 42)	контекстуальные	разнокорневые	ком
98	Ваши скачут (пляшут), а наши плачут. (стр. 42)	языковые	разнокорневые	конг
99	Ваши скачут (пляшут), а наши плачут . (стр. 42)	контекстуальные	разнокорневые	конг
100	Счастье на коне, бессчастье под конем (стр. 43)	языковые	разнокорневые	ком
101	Счастье на коне, бессчастье под конем (стр. 43)	языковые	однокорневые	конг
102	У счастливого умирает недруг, у бесщастного друг.(стр. 43)	языковые	однокорневые	конг
103	У счастливого умирает недруг , у бесщастного друг . (стр. 43)	языковые	однокорневые	конг

1	2	3	4	
104	Деньги идут к богатому, а злыдни к убогому (стр. 43)	контекстуальные	разнокорневые	кон
105	Деньги идут к богатому , а злыдни к убокому (стр. 43)	языковые	разнокорневые	кон
106	Чужие петухи поют, а на наших типун напал (стр.43)	языковые	разнокорневые	ком
107	Наперед не узнаешь, где найдешь , где потеряешь . (стр. 44)	языковые	разнокорневые	ком
108	Поехали пировать , а пришлось горе горевать . (стр.44)	языковые	разнокорневые	кон
109	Ехал наживать , а пришлось проживать (стр. 44)	языковые	однокорневые	кон
110	Было бы и счастье , да одолело нечастье (стр. 44)	языковые	однокорневые	кон
111	Счастье с несчастьем двор обо двор живут (или: об между) (стр. 45)	языковые	однокорневые	кон
112	Счастье с бессчастьем - ведро с нечастьем (стр. 45)	языковые	однокорневые	кон
113	Счастье с бессчастьем - ведро с нечастьем (стр.45)	языковые	однокорневые	кон
114	И добрый временем плачет, а худой скачет (стр. 45)	языковые	разнокорневые	кон
115	И добрый временем плачет , а худой скачет (стр.45)	контекстуальные	разнокорневые	кон
116	Мужик на счастье сеял хлеб , а уродилась лебеда . (стр. 46)	контекстуальные	разнокорневые	кон
117	Сеяли рожь, а косим лебеду (стр. 46)	контекстуальные	разнокорневые	кон
118	Сеяли рожь , а косим лебеду (стр. 46)	контекстуальные	разнокорневые	кон
119	Хотелось мокрого , а взял сухого (от жеребья).(стр.47)	языковые	разнокорневые	кон
120	Корка на корку упала, а мякиша не бывало (стр.47)	контекстуальные	разнокорневые	ком
121	Век изжил, все прожил – горб нажил (стр. 47)	языковые	однокорневые	кон
122	Где чаеся радостно , там встретится горестно (стр. 47)	языковые	разнокорневые	кон
123	Хотелось на коня, а попалоь под коня (стр. 48)	языковые	разнокорневые	ком
124	Во сне счастье , наяву нечастье (стр. 48)	языковые	разнокорневые	кон

1	2	3	4	
125	Во снах счастье, а в быль напасти (стр. 48)	контекстуальные	разнокорневые	конт
126	Во снах счастье , а в быль напасти (стр. 48)	контекстуальные	разнокорневые	конт
127	Тихий наедет, а бойкий сам наткнется (стр. 48)	языковые	разнокорневые	конт
128	Бодрый сам наскочит, а на смирного бог нанесет (стр. 48)	контекстуальные	разнокорневые	конт
129	На тихого бог нанесет, а резвый сам набежит (стр. 48)	контекстуальные	разнокорневые	конт
130	Счастье ума прибавляет, а несчастье последний отымает (стр. 48)	языковые	однокорневые	конт
131	Счастье ума прибавляет , а несчастье последний отымает (стр. 48)	языковые	разнокорневые	ком
132	Глупому счастье, а умному напасть (стр. 49)	языковые	разнокорневые	конт
133	Глупому счастье , а умному напасть (стр. 49)	языковые	разнокорневые	конт
134	Достают хлеб горбом , достают и горлом (стр. 50)	контекстуальные	разнокорневые	конт
135	Добро не лихо: бродит о мир тихо (стр. 50)	языковые	разнокорневые	конт
136	Одним камнем двух собак разогнал (стр. 50)	языковые	разнокорневые	конт
137	Кому страсти-напасти , кому смехи-потехи (стр.52)	контекстуальные	разнокорневые	конт
138	Кому того-сего , а кому и ничего (стр. 52)	контекстуальные	разнокорневые	конт
139	Время красит, безвременье старит (стр.)	языковые	однокорневые	конт
140	В добром житье кудри вьются, в худом секутся (стр.53)	языковые	разнокорневые	конт
141	В добром житье кудри вьются , в худом секутся (стр.53)	языковые	разнокорневые	конт
142	Было время – осталось одно безвременье (стр. 53)	языковые	однокорневые	конт
143	И то бывало, что мы кашу едали, а ныне и тюря в честь (стр. 53)	контекстуальные	разнокорневые	конт
144	Все может случиться: и богатый к бедному стучит-ся (стр. 53)	языковые	разнокорневые	конт

1	2	3	4	
145	Родишься в чистом поле, а умрешь в темном лесе (стр. 54)	языковые	разнокорневые	кон
146	Родишься в чистом поле , а умрешь в темном лесе (стр. 54)	контекстуальные	разнокорневые	кон
147	Родишься в палатах, а умираешь в яме (стр. 54)	языковые	разнокорневые	кон
148	Родишься в палатах , а умираешь в яме (стр. 54)	контекстуальные	разнокорневые	кон
149	Где густо , а где и пусто (стр. 54)	языковые	разнокорневые	кон
150	Когда скоком , а когда и боком (стр. 54)	контекстуальные	разнокорневые	кон
151	Ино скоком , ино лѣтом , а ино и ползком (стр. 54)	контекстуальные	разнокорневые	кон
152	Кто ныне мал – завтра велик , а ныне велик – завтра мал (стр. 54)	языковые	разнокорневые	кон
153	Кто ныне мал – завтра велик , а ныне велик – завтра мал (стр. 54)	языковые	разнокорневые	кон
154	Кому свекровь свекровушка , а кому и свекровица (стр. 56)	контекстуальные	однокорневые	кон
155	Счастье мать , счастье мачеха , счастье бешенный волк (стр. 56)	контекстуальные	однокорневые	ком
156	Иному счастье мать , иному мачеха (стр. 56)	контекстуальные	однокорневые	ком
157	Либо полковник , либо покойник (стр. 56)	контекстуальные	разнокорневые	ком
158	Либо железную цепь , либо золотую (стр. 56)	контекстуальные	разнокорневые	кон
159	Удача – брага, неудача – квас (стр. 56)	языковые	однокорневые	кон
160	Жила – наша, умерла – богова (стр. 56)	языковые	разнокорневые	ком
161	Так ли сяк ли – уж один конец (стр. 57)	языковые	разнокорневые	кон
162	По дважды не мрут, а однова не миновать (стр. 57)	языковые	разнокорневые	ком
163	Богатый -то с рублем, а бедный -то со лбом (стр. 57)	языковые	разнокорневые	кон
164	Богаты , так здравствуйте, а убоги , так прощайте (стр. 57)	языковые	разнокорневые	кон

1	2	3	4	
165	Богаты, так здравствуйте , а убоги, так прощайте (стр. 57)	языковые	разнокорневые	конт
166	У богатого борода помелом, у бедного клином (стр.58)	языковые	разнокорневые	конт
167	И роди – плати, и хорони – плати (стр. 59)	контекстуальные	разнокорневые	конт
168	С деньгами мил , без денег постыл (стр. 59)	языковые	разнокорневые	конт
169	Богатый пузатеет, бедный тощает (стр. 60)	языковые	разнокорневые	конт
170	Богатый пузатеет , бедный тощает (стр. 60)	контекстуальные	разнокорневые	конт
171	На богатого ворота настежь, на убогого запор (стр. 60)	языковые	разнокорневые	конт
172	Деньги – железо , а платье - тлен (стр. 60)	контекстуальные	разнокорневые	конт
173	Когда деньги говорят , тогда правда молчит (стр.61)	языковые	разнокорневые	конт
174	Бедность плачет, богатство скачет (стр. 61)	языковые	разнокорневые	конт
175	Бедность плачет , богатство скачет (стр. 61)	языковые	разнокорневые	конт
176	Не убогий должает, а богатый (стр. 62)	языковые	разнокорневые	конт
177	Не убогий должает, а богатый (стр. 62)	языковые	разнокорневые	конт
178	И двери богатых стыдятся нищих (стр. 62)	языковые	разнокорневые	конт
179	Добрая земля – полная мошна, худая земля – пустая мошна (стр. 63)	языковые	разнокорневые	конт
180	Добрая земля – полная мошна, худая земля – пустая мошна (стр. 63)	языковые	разнокорневые	конт
181	Убожество учит, богатство пучит (стр. 70)	языковые	разнокорневые	конт
182	Голод перед сытостью (стр. 71)	языковые	разнокорневые	конт
183	Богатому – как хочется , а бедному – как можется (стр. 72)	контекстуальные	разнокорневые	конт
184	Богатый - в пир , убогий – в мир (стр. 73)	языковые	разнокорневые	конт
185	Избытку убожество ближний сосед (стр. 76)	языковые	разнокорневые	конт
186	Наша квашня ни густа ни пуста (стр. 76)	языковые	разнокорневые	конт

1	2	3	4	
187	И жить не скучно и помирать не тошно (стр. 78)	языковые	разнокорневые	конт
188	Кто новины не видал, тот и ветоши рад (стр. 80)	контекстуальные	разнокорневые	конт
189	Одной рукой собирай , другой раздавай! (стр. 84)	контекстуальные	разнокорневые	конт
190	Одной рукой жни , другою сей! (стр. 84)	контекстуальные	разнокорневые	конт
191	Дающая рука не отболит, берущая не отсохнет (стр. 84)	языковые	разнокорневые	конт
192	Кто господин деньгам, а кто слуга (стр. 84)	языковые	разнокорневые	конт
193	Тароватому бог подает , а у скупого черт отнимает (стр. 84)	языковые	разнокорневые	конт
194	Тароватому бог подает, а у скупого черт отнимает (стр. 84)	языковые	разнокорневые	ком
195	Беручи рука не приберется, а даючи придается (стр. 85)	языковые	разнокорневые	ком
196	За чужими канунами своих покойников поминает (стр. 86)	языковые	разнокорневые	конт
197	У него расход – Кириллова монастыря, а приход – репной пустыни (стр. 88)	языковые	разнокорневые	ком
198	Подальше положишь – поближе возьмешь (стр. 89)	языковые	разнокорневые	конт
199	Подальше положишь – поближе возьмешь (стр. 89)	языковые	разнокорневые	конт
200	Мягкий съел, так черствый цел (стр. 89)	языковые	разнокорневые	конт
Статистика:		языковые – 148; контекстуальные - 52	однокорневые – 34; разнокорневые - 166	конт комп